

М 86 / 887
801-11
12.91
В. А. Мелиховъ.

КУЛЬТЪ РИМСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ БОРЬБѢ ЯЗЫЧЕСТВА СЪ ХРИСТІАНСТВОМЪ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-18846
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.
1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	1—6
ГЛАВА I:	
Политическое значеніе религіи въ Римѣ	6—7
§ 1. Римская религія въ эпоху республики	7—9
§ 2. Августъ и соединеніе свѣтской власти съ жреческой	9—13
ГЛАВА II:	
Римскіе и восточные элементы въ культъ императоровъ	13—14
§ 1. Римское народное вѣрованіе въ геніевъ и мановъ	14—17
§ 2. Культъ правителей на Востокъ и въ Греціи	17—19
§ 3. Культъ правителей въ Римѣ до Августа	20—22
ГЛАВА III:	
Августъ и окончательное установленіе культа императоровъ	22—23
§ 1. Культъ императоровъ при Августѣ	23—25
§ 2. Дальнѣйшее развитіе культа императоровъ	25—28
§ 3. Внутреннее содержаніе культа императоровъ	28—33
ГЛАВА IV:	
Культъ Императоровъ и гоненія на христіанъ въ Римской имперіи	33
§ 1. Столкновеніе культа императоровъ съ христіанствомъ	33—37
§ 2. Гоненія на христіанъ за неподчиненіе культу императоровъ	37—40
ГЛАВА V:	
Константинъ Великій и пережитки культа императоровъ	41
§ 1. Обстоятельства, подготовившія торжество христіанства	41—43
§ 2. Культъ императоровъ послѣ восторжествованія христіанства	43—44
§ 3. Свѣтская и духовная власть въ Римской имперіи	44—46

2007339150

ВВЕДЕНИЕ *).

Религиозно-правственное и политическое состояніе древняго міра въ моментъ возникновенія христіанства представляетъ много интереснаго. Греческая образованность при помощи римскаго оружія получила широкое распространеніе даже въ варварскихъ странахъ. Дальнѣйшія культурныя завоеванія приостановились, но дѣятельная обработка и усвоеніе уже достигнутаго продолжали идти своимъ чередомъ.

*) Главными пособіями для настоящаго изслѣдованія послужили:
Бердниковъ И. Государственное положеніе религіи въ Римско-Византійской имперіи. Т. I: Государственное положеніе религіи въ Римской имперіи, Казань 1881.

Болотовъ В. В. Лекціи по исторіи древней Церкви. II: Исторія Церкви въ періодъ до Константина Великаго. СПб. 1910.

Буткевичъ Т., свящ. Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа Нашея Иисуса Христа. Харьковъ 1888.

Гарнакъ, Церковь и государство до образованія государственной церкви. Въ сборникъ „Религія и церковь въ свѣтъ научной мысли и свободной критики“, Т. II: Изъ исторіи ранняго христіанства, Москва 1907.

Лебедевъ А. П. Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Москва 1897².

Нетушилъ И. В. Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей, Т. I, Харьковъ 1894 и Т. II, Харьковъ 1906.

Allard P., Histoire des persécutions pendant les deux premiers siècles, Paris 1903³.

Allard P., Histoire des persécutions pendant la première moitié du troisième siècle, Paris 1894².

Beurlier E., Le culte impériale, son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu'à Justinien, Paris 1891.

Boissier G., La religion romaine d'Auguste aux Antonins T. I. Paris 1892⁴.

Религія не удовлетворяла болѣе ни образованнаго общества, ни народныхъ массъ. Высшіе классы не могли обратиться въ религіозномъ хаосѣ, существовавшемъ въ римской имперіи, несмотря на попытки отдѣльныхъ императоровъ внести порядокъ въ богопочитаніе. Не могла поддерживать религіознаго настроенія и философія, которая въ конецъ подорвала вѣру въ боговъ, не давъ ничего взамѣнъ. Набожные люди, въ родѣ Вергілія или Овідія, пытались найти утѣшеніе въ чаяніяхъ грядущаго золотого вѣка, но мрачная и неприглядная дѣйствительность подавала мало надежды. Между тѣмъ простой народъ, выходя изъ примитивнаго поклоненія силамъ природы и тѣнямъ усопшихъ, чувствовала потребность въ нравственной, философской религіи. Но таковой онъ не могъ получить, потому что даже высшіе классы были далеки отъ нея.

Если религіозное состояніе древняго міра представляло весьма печальную картину, то въ еще худшемъ положеніи находилась нравственная жизнь. Чудовищные пороки получили въ Римѣ широкое распространеніе, не возбуждая ни негодованія, ни даже порицанія. Семейная жизнь, о которой столь восторженно отзывались когда-то историки и поэты, теперь пала, ведя за собою паденіе и общественной нравственности. Римскіе воины, бывшіе еще такъ недавно образцомъ ловкости, силы и энергіи, теперь становились слабыми и малоспособными для битвъ; ими легко овладѣвало корыстолюбіе и склонность къ мятежамъ. Духовная жизнь римскаго общества также клонилась къ упадку. Литература послѣ непродолжительнаго золотого вѣка переходила къ серебряному. Философія перерабатывала давно уже высказанныя доктрины. Однимъ словомъ, всюду чувствовалась необходимость обновленія и внутренняго, и внѣшняго.

Такимъ внѣшнимъ обновленіемъ явилось возникновеніе единой державы, а внутреннимъ—христіанство. Римская республика сама собою шла по пути къ монархіи. Тѣ завоеванія, которыя подчинили Риму большинство извѣстныхъ въ то время странъ, могли быть удержаны только сильною властью одного лица. Политическій строй, подчинявшій консуламъ почти все отрасли государственнаго управленія безъ права чьего-бы то ни было контроля и съ весьма незначительнымъ правомъ протеста со стороны трибуновъ, уже

въ республикѣ почти осуществилъ идею самодержавія. И мы видимъ, какъ наиболѣе выдающіяся личности того времени—Сулла, Марій, Помпей, Антоній, Цезарь—тѣмъ или инымъ образомъ стремились къ единой державѣ. Сознаніе необходимости монархическаго строя приняло столь широкій и всеобщій характеръ, что Августу, человѣку далеко не гениальному, безъ труда удалось кончить съ республикой. Перебѣна государственнаго строя совершилась не путемъ революціи, а вполне естественной эволюціи, не вызвавъ никакихъ осложнений, исключая соперничества другихъ кандидатовъ на неограниченную власть надъ римскимъ государствомъ.

Теперь міръ могъ вздохнуть свободно. Междоусобныя распри, разорявшія цѣлыя области и истреблявшія десятки тысячъ жителей, могли спокойно процвѣтать. Правда, Риму приходилось еще вести безконечныя войны, но онъ мало касались завоеванныхъ областей, а были направлены противъ пограничныхъ варваровъ. Торговля получила такую свободу, о которой во времена греческихъ республикъ нельзя было и помышлять. Вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода мысли попала въ лучшія условія, чѣмъ это возможно было при республиканскомъ строѣ. Единственнымъ ограниченіемъ было запрещеніе дурно отзываться о царствующемъ императорѣ, а по остальнымъ вопросамъ предоставлялась широкая свобода, которой часто даже злоупотребляли.

Но сліяніе всехъ римскихъ гражданъ въ одно цѣлое было невозможнымъ. Сотни тысячъ покоренныхъ были на положеніи рабовъ у немногочисленныхъ господъ—римскихъ гражданъ. Политическая же свобода въ глазахъ древнихъ была важнѣе всехъ другихъ свободъ—религіозной, духовной, національной. Поэтому съ самаго начала имперіалистической политики римлянъ въ провинціяхъ появляется глужое броженіе. Хотя народныя массы не могутъ и думать о физическомъ противодѣйствіи римлянамъ, такъ какъ онѣ загнипнотизированы необходимостью римскаго оружія, но твердая вѣра въ лучшее будущее переходитъ изъ поколѣній въ поколѣнія, и римскіе полководцы въ подобострастныхъ, забытыхъ и безсильныхъ провинціалахъ всегда чувствовали враговъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, было недостаточно одной физической силы для удержанія поко-

ренных народов въ повиновеніи. Явилась потребность въ созданіи чего-либо болѣе прочнаго, чѣмъ римскіе легіоны, потребность въ духовномъ единеніи побѣдителей и побѣжденныхъ. Слѣдуя въ этомъ направленіи, уже первый римскій самодержецъ—Августъ создалъ такъ называемый „культъ императоровъ“, воплотившій въ себѣ идею единенія Рима и провинцій. Тутъ нашли себѣ выраженіе новыя идеалы римскаго государства. И вѣра въ императора, какъ въ существо, высшее прочихъ смертныхъ, и стремленіе найти религиозное оправданіе новой власти, и заботы о единообразіи культа въ имперіи—все это олицетворилось въ культѣ императоровъ. Послѣдующая борьба за императорскій престолъ свела религиозный идеалъ къ соперничеству за власть грубыхъ воиновъ, а низкопоклонничество сдѣлало новую идею игрушкою въ рукахъ льстецовъ, но тѣмъ не менѣе культъ императоровъ не переставалъ выполнять свою роль, опредѣленную еще Августомъ.

Единодержавіе и естественное послѣдствіе его въ языческомъ мірѣ—императорскій культъ предотвратили развалъ римскаго государства. вмѣстѣ съ тѣмъ они, явившись вѣнчимъ обновленіемъ языческаго міра, подготовили принятіе обновленія внутренняго въ видѣ христіанства. Идеалы античной древности были исчерпаны. Ихъ несостоятельность становилась все болѣе и болѣе очевидной. На смѣну появилось новое, вѣчно юное ученіе. Оно поставило новыя идеалы, къ которымъ можно было стремиться, но которыхъ нельзя было достигнуть. Этимъ была уже обезпечена жизненность христіанства.

Но не съ радостью встрѣтилъ міръ новое ученіе. Христіанство явилось представителемъ римской провинціи, и уже по одному этому языческій Римъ не могъ встрѣтить его иначе, какъ съ презрѣніемъ. Тацитъ, при всемъ своемъ хладнокровіи и безпристрастіи, осыпаетъ христіанъ градомъ нелѣпныхъ обвиненій, вопли естественныхъ для невѣжественной черни, но весьма странныхъ въ устахъ „правдиваго“ историка. Съ легкой руки Тацита во всей литературѣ установились обычай не стѣсняясь обвинять христіанъ въ самыхъ разнообразныхъ порокахъ. Тутъ мы встрѣтимъ и „грубое суевѣріе“, и колдовство, и безбожіе и преступления противъ нравственности. Отживающій классическій міръ

инстинктивно чувствовалъ въ молодомъ, полномъ энтузіазма христіанствѣ опаснаго соперника.

Вслѣдъ за простымъ народомъ и высшими классами противъ христіанства вооружается и римское правительство, хотя христіанское ученіе само по себѣ не представляло ничего противозаконнаго¹⁾. Только когда христіанство, въ своемъ стремленіи стать религіей всего населенія, начало пытаться охватить имперію своей организаціей и, слѣдовательно, вытѣснить язычество, съ этой поры дотолѣ частичныя и случайныя преслѣдованія христіанъ пріобрѣтаютъ систематическій характеръ. Тѣмъ не менѣе христіанство все болѣе и болѣе распространялось, встрѣчая благопріятныя условія. Мало по малу исчезало различіе между коренными римскими гражданами и провинціалами. Образованное общество, потерявъ вѣру въ національныхъ боговъ, все же обнаруживаетъ интересъ къ религіи. Наконецъ, самъ представитель языческаго міра, носитель идеи государственнаго культа—римскій императоръ сдѣлался христіаниномъ. Константинъ Великій призналъ за христіанствомъ юридическія права, приравнявъ его такимъ образомъ къ другимъ религіямъ. Фактически же образъ дѣйствій Константина обезпечилъ за христіанствомъ господствующее положеніе. Правда, языческіе культы еще продолжали существовать нѣкоторое время. Константинъ Великій не могъ сразу покончить съ язычествомъ изъ опасенія слишкомъ потрясти основы государства. Но онъ всегда и вездѣ явно отдавалъ предпочтеніе христіанству, всячески стараясь подавить язычество (запрещалъ возстановлять разрушенныя языческіе храмы и строить новыя, вводилъ въ войскахъ вмѣсто языческихъ орловъ христіанскій крестъ и пр.).

Несмотря на такую благопріятную для христіанъ политику, Константину Великому не удалось вполне христіанизировать римское государство. Кое-что изъ языческой ре-

¹⁾ Въ современной церковно-исторической наукѣ распространено мнѣніе, будто христіанство преслѣдовалось, какъ незаконное сообщество (*collegium illicitum*), но такое юридическое обоснованіе гоненій примѣнялось крайне рѣдко. Изъ дѣяній свв. мучениковъ мы знаемъ, что они платились смертью отнюдь не за принадлежность къ запрещенному обществу, а за исповѣданіе ученія Христа: на допросахъ у нихъ требовали не отказа отъ участія въ незаконномъ сообществѣ, а отреченія отъ христіанства.

лигии сохранилось и при преемниках первого христианского императора. Сохранились в видѣ пережитковъ и нѣкоторыя черты императорскаго культа, но уже измѣненныя и приспособленныя къ христианскимъ понятіямъ. Изъ прежняго бога императоръ сталъ только представителемъ непосредственно отъ Бога полученной власти, что въ точности соотвѣтствовало ученію св. апостоловъ. Прежній врагъ христианства становится теперь опорой и защитой христианъ. Насколько въ языческомъ мірѣ культъ императоровъ служилъ опорой религии, настолько освященная христианствомъ власть императоровъ оказалась благотвѣтельной для христианъ. Императоры созываютъ вселенскіе соборы для улаживанія церковныхъ споровъ, сооружаютъ храмы, привлекаютъ проповѣдниковъ.

Такъ произошло обновленіе Римской имперіи. Императорская власть стала представительницею физической силы государства, а христианство—духовной. Послѣ трехвѣковой борьбы язычество покорилось и приняло новую вѣру, чтобы вмѣсто междоусобной распри приступить къ мирнымъ занятіямъ или направить оружіе противъ враговъ христианской имперіи. Слѣдовательно, христианство не погубило Римъ, какъ это принято доказывать учеными изслѣдованіями, а скорѣе наоборотъ, къ объединенію политическому въ лицѣ неограниченнаго императора прибавило духовное единеніе, основанное на единствѣ Богопочитанія среди разноплеменнаго населенія государства. Правда, ослабѣвшій организмъ имперіи не долго могъ противиться врагамъ на западъ и уступилъ силѣ варваровъ. Но ни христианство, ни созданная имъ идея Священной имперіи не пали, а еще болѣе распространили свое вліяніе. Точно также и на Востокъ идея императорской власти „Божіею милостію“ продолжала жить долгіе вѣка въ Византіи, а затѣмъ неприкосновенной проникла въ Россію...

Глава I.

Политическое значеніе религии въ Римѣ.

Юридическое значеніе римской религии въ императорскій періодъ рѣзко отличается отъ значенія ея въ эпоху республики. Еще во времена царей сфера дѣйствій жрецовъ была строго отдѣлена отъ компетенціи гражданскихъ чинов-

никовъ. Такой порядокъ преемственно перешелъ въ государственное право республики, когда свѣтская магистратская власть, постепенно усиливаясь, оставила жречество на заднемъ планѣ. Это усиленіе свѣтской власти закончилось введеніемъ монархическаго строя. Императоры берутъ религію подъ свое покровительство, а въ культъ императоровъ гражданская и духовная власти взаимно переплетаются. Заглохшее было въ концѣ республики религіозное настроеніе вновь пробуждается и, въ свою очередь, предоставляетъ религии почетное мѣсто.

§ 1. Римская религія въ эпоху республики.

Соотношеніе жреческой и свѣтской власти, бывшее въ періодъ царей, сохранилось въ полной неприкосновенности при переходѣ къ республиканскому строю. Когда надъ Римомъ владычествовала иноземная и ирелигіозная власть Тарквиніевъ, жречество пользовалось извѣстнаго рода самоуправленіемъ, а гражданскія дѣла находились въ вѣдѣніи этрусковъ. По изгнаніи Тарквиніевъ былъ сохраненъ такой же порядокъ. Свѣтская власть перешла къ двумъ выборнымъ лицамъ—преторамъ (позднѣйшимъ консуламъ), а жреческая оставила за собою свое прежнее независимое положеніе, причемъ главный жрецъ сохранилъ даже свое прежнее названіе царя ¹⁾. Такимъ образомъ раздѣленіе магистратской и жреческой власти, бывшее въ царскій періодъ слѣдствіемъ политическаго положенія вещей, послѣ сверженія иноземнаго ига сдѣлалось обязательнымъ закономъ на основаніи „обычая предковъ“ (*mos majorum*), игравшаго всегда важную роль въ римскомъ государственномъ правѣ. Этотъ принципъ раздѣленія властей проводился съ такой строгой послѣдовательностью, что законъ безусловно запрещалъ одновременное занятіе духовныхъ и свѣтскихъ должностей. И хотя съ теченіемъ времени строгость этого закона была ослаблена въ значительной степени, она все же оставалась обязательной для *rex sacrorum*.

Однако, устраненіе жречества отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ вовсе не обозначало устраненія религии отъ государственной жизни. Произведенный надъ гражданиномъ

¹⁾ Rex, полнѣе царя-жреца—*rex sacrorum*.

обрядъ проклятія (sacratio) лишалъ его покровительства законовъ. Религіозные обряды продолжали играть важную роль въ политической жизни и всегда строго исполнялись магистратами, часто наперекоръ государственнымъ интересамъ. Самая же организація жреческихъ коллегій была вполне независима отъ свѣтской власти государственныхъ учрежденій. Область дѣйствій жрецовъ была въ такой же степени самостоятельна, въ какой была самостоятельна область дѣйствій свѣтскихъ магистратовъ, и между ними не могло быть соперничества. Ихъ взаимныя дѣйствія при соприкосновеніи интересовъ находились въ зависимости отъ обоюднаго усмотрѣнія, а при разногласіи посредникомъ являлся сенатъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ представители религіи разсматривались съ государственной точки зрѣнія, какъ частныя лица—*privati*, почему даже могли получать предписанія отъ свѣтской власти.

Такое положеніе дѣлъ вытекало, конечно, изъ самой сущности римской религіи. Въ ней форма всегда преобладала надъ содержаніемъ, и этотъ формализмъ, не согрѣтый вѣрой, былъ причиною того, что жрецы не играли существенной роли въ жизни государства, а самая религія всецѣло подчинила содержаніе буквѣ закона. Человѣческія головы замѣнялись маковыми головками, жертвенныя животныя восковыми куклами и пр. Августъ ¹⁾ Фабіи Максимъ говорилъ о тенденціозности своего ремесла: „Чтобы ни дѣлалось для пользы государства, то все дѣлается при добрыхъ авспіціяхъ, а что было бы во вредъ государству, того не позволять авспіціи“ ²⁾.

Важную роль въ дѣлѣ низведенія религіи на степень правительственнаго орудія, имѣвшаго назначеніе оберегать государственные интересы, играло и законодательство относительно жречества и религіи. Жречество не было словомъ. Его высшія должности, подобно магистратскимъ, замѣнялись выборами въ комиціяхъ ³⁾. За немногими исключеніями жрецы не носили особыхъ одеждъ, выдѣлявшихъ

¹⁾ Т. е. членъ жреческой коллегіи, имѣвшей назначеніе истолковывать волю Юпитера, главнымъ образомъ во время гаданій по полету птицъ, а также исполнять и другія, менѣе важныя обязанности.

²⁾ Ciceronis de senectute, 4.

³⁾ Такъ назывались собранія гражданъ г. Рима, на которыхъ между прочимъ происходили и выборы должностныхъ лицъ.

ихъ изъ среды прочихъ гражданъ. Они фактически были такими же чиновниками, какъ и гражданскія власти. Кромѣ всего этого, жрецы не являлись и блюстителями нравовъ, что весьма возвышаетъ духовное сословіе въ представленіи рядовыхъ гражданъ. Оно и понятно: римская религія не могла заводить такимъ дѣломъ, такъ какъ она не давала законовъ этики. Наблюденіе за нравственностью было обязанностью государственной власти, которая поручила это дѣло свѣтскимъ „блюстителямъ нравовъ“—цензорамъ.

Къ концу республики правовое положеніе религіи продолжало оставаться строго обособленнымъ отъ гражданской власти. Между тѣмъ римская религія понемногу начинаетъ терять свою исключительность. Ея скромный пантеонъ обогатился цѣлымъ рядомъ новыхъ иноземныхъ божествъ, а старыя національныя утратили свой прежній характеръ. Недоступные для иноземцевъ культы сдѣлались открытыми сперва для плебеевъ, а потомъ и для чужеземцевъ. Такимъ образомъ произошла эволюція, превратившая римскую религію изъ обязательной и доступной только для патриціевъ (и кліентовъ) въ интернаціональную смѣсь самыхъ разнообразныхъ вѣрованій съ широкимъ доступомъ къ ней всѣхъ вообще римскихъ подданныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается постепенное сглаживаніе той обособленности римской религіи отъ государственной власти, которая низводила религію на степень особой отрасли государственнаго управленія.

§ 2. Августъ и соединеніе свѣтской власти съ жреческой.

Принципъ отдѣленія церкви отъ государства, систематически проводившійся въ періодъ республики, съ установленіемъ единовластиа, начинаетъ постепенно уступать мѣсто иному строю римской общины, когда свѣтская власть вступила въ единеніе съ духовной. Первый толчекъ въ этомъ направленіи былъ данъ Юліемъ Цезаремъ, который, принявъ на себя титулъ великаго понтифика (*pontifex maximus*), сталъ фактически во главѣ не только коллегіи понтификовъ, но и другихъ. Августъ слѣдовалъ по пути, проложенному его предшественникомъ. Онъ также принималъ на себя званіе верховнаго понтифика, которое фактически подчиняло его власти всю компетенцію въ религіозныхъ дѣлахъ. Пон-

тификальная власть Августа имѣла тѣмъ большее значеніе, что онъ, будучи представителемъ также и государственной власти, не могъ встрѣтить противодѣйствія со стороны этой послѣдней въ своей дѣятельности. Кромѣ коллегіи понтификовъ, Августъ занялъ мѣсто и въ другихъ жреческихъ коллегіяхъ, имѣвшихъ по преимуществу политическій характеръ. Заботясь о восстановленіи древняго благочестія, пришедшаго къ концу республики въ полный упадокъ, Августъ восстанавливалъ полуразрушенные храмы, призвалъ къ жизни многіе, почти забытые культы, ввелъ нѣсколько новыхъ. Онъ сумѣлъ возбудить въ римскомъ обществѣ интересъ къ религіознымъ обрядамъ, назначая въ члены жреческихъ коллегій знатныхъ гражданъ и придавая этимъ назначеніямъ почетный характеръ.

Дѣятельность Августа послужила толчкомъ къ изученію древностей, особенно религіозныхъ. Римскій поэтъ Виргилій въ своей знаменитой „Энеидѣ“ предпринимаетъ длинный обзоръ событій, предшествовавшихъ основанію Рима, и приводитъ при этомъ цѣлый рядъ данныхъ изъ міевологіи, правда греческой, такъ какъ національной римской не существовало. Овидій въ „Превращеніяхъ“ (Metamorphoses) перелагаетъ на латинскій языкъ греческіе міеы для римской публики, а въ стихотворномъ „Календарѣ“ (Fasti) даетъ подробный сборникъ римскихъ богослужебныхъ древностей. Горацій пересыпаетъ свои стихотворенія именами греческихъ и римскихъ боговъ и героевъ.

Не оставлялъ Августъ безъ вниманія и заботы объ улучшеніи нравовъ. Вполнѣ соглашаясь съ Гораціемъ, что законы сильны только при добрыхъ нравахъ¹⁾, онъ пользовался различными средствами для поднятія нравственности и вкуса къ изящному. Августъ приближалъ къ себѣ поэтовъ, историковъ и ораторовъ, которые сдѣлались какъ бы проповѣдниками морали, воспѣвая и идеализируя древнюю римскую простоту—„мать всѣхъ добродѣтелей“. Въмѣстѣ съ такимъ косвеннымъ вліяніемъ на римское общество, Августъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не затруднялся прибѣгать и къ своей гражданской власти. Хотя онъ не имѣлъ титула блюстителя общественныхъ нравовъ—цензора, однако онъ сво-

бодно пользовался его полномочіями для улучшенія нравовъ. Это присвоеніе Августомъ цензорскихъ полномочій было весьма важнымъ обстоятельствомъ въ процессѣ соединенія свѣтской и духовной власти. Августъ прекратилъ то странное положеніе дѣлъ въ римской республикѣ, когда государственная власть взяла на себя нравственную оцѣнку поведения гражданъ. Хотя фактически такъ продолжалось и въ императорскій періодъ, однако народъ въ своемъ сознаніи могъ считать цензорскія полномочія императоровъ принадлежащими не гражданской части его компетенціи, а духовной.

Въ 22-мъ году до Р. X. Августъ издалъ законъ, который запрещалъ неумѣренную пышность стола и ограничивалъ чрезмѣрные расходы на публичныя игры. Спустя три года онъ принялъ общее завѣдываніе законодательствомъ о нравственности (*morum et legum regimen*), что открыло ему возможность издать въслѣдствіи весьма важные законы о прелюбодѣянствѣ и цѣломудріи (*leges Juliae de adulteriis et pudicitia*).

Въ исторической наукѣ обыкновенно принято думать, что реформы Августа и его заботы о восстановленіи древности имѣли мотивомъ—религіозность, а цѣлью—возвратъ къ прошлому. На самомъ же дѣлѣ мы ничего не можемъ сказать о религіозности Августа. Извѣстно лишь, что онъ былъ суевѣренъ до крайности. Онъ слѣпо вѣрилъ въ предсказанія, никогда не отправлялся въ путь на слѣдующій день послѣ ноня¹⁾ и не предпринималъ ничего серьезнаго въ день нундинъ²⁾. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что въ восстановленіи древней религіи онъ думалъ найти ту силу, которая прочно связала бы между собой гражданъ и къ политическому объединенію прибавила духовное. Дѣй-

¹⁾ Римскій годъ (*annus*) дѣлился на мѣсяцы (*menses*), начало которыхъ по древнему календарю опредѣлялось новолуніемъ. Середина мѣсяца, когда приблизительно наступало полнолуніе, называлась *Idus*—„Иды“, отъ этрусскаго слова *iduate*—дѣлать. Нонами (*No-nae* отъ *nonus*—девятый) считался девятый день *передъ* идами.

²⁾ Римская недѣля состояла не изъ семи дней, какъ у насъ, а изъ восьми, причемъ нундины соответствовали нашему понедѣльнику. Совершенно такой же предразсудокъ существуетъ кое-гдѣ и до настоящаго времени, когда понедѣльникъ считаютъ „тяжелымъ днемъ“.

¹⁾ Hor. carm. III, 24, 35: quid leges sine moribus?

ствительно, вся деятельность Августа свелась к принципу, совершенно обратному тому, который проводился в древности: вопреки традиции Август соединил светскую власть с духовной и вместе с тем возвысил роль последней в государственных делах. Таким образом политика Августа, может быть, незамысленно для него самого, превратилась из национально-консервативной в реформаторскую.

Новые гражданские порядки, устанавливавшиеся в политическом строе, отразились и в организации жреческих коллегий. Подобно тому как магистратские должности сдвинулись лишь титулами без власти, потому что последняя перешла к императору, точно также и жрецы потеряли всякую компетенцию в богослужебных делах. Светские должности в императорский период стали замещаться по назначению. Параллельно этому и высшие члены жреческих коллегий вместо прежнего избрания в комициях начали получать свое звание непосредственно от императора. Вместе с тем изменяется и отношение власти к почитанию богов. Если римская религия конца республики была покрыта широким слоем иноземных заимствований, то ее государственно-правовое значение оставалось неизменным. Будучи вполне самостоятельной в пределах духовной компетенции, она находилась в зависимости от светской власти наравне с прочими государственными установлениями. Правительство республики не было заинтересовано в поддержке национальных культов. Поэтому оно осуществило полную свободу религии. Каждый гражданин мог выбирать себя для почитания каких угодно богов. Не притеснялось также и свободомыслие, если оно держалось в должных границах и не переходило в открытое нападение на государственную религию. В соответствии с этим и вне Рима каждый город имел право чтить собственных богов и вводить по своему усмотрению новых. В императорский же период национальная римская религия, бывшая до тех пор привилегией патрицианских родов, становится доступной, а затем и обязательной для всех подданных без различия национальностей и правового положения. Начало этому новому порядку было положено учреждением обязательного для всех культа императоров.

Организованный на строго-религиозных началах,

культ императоров вместе с тем содержал в себе некоторые черты политического характера, что дало ему возможность весьма успешно провести в жизнь только что возникшую идею о слиянии светской власти с жреческой. Это слияние повело прежде всего к тому, что императоры начали заботиться о религии, и последняя приобрела важное значение в государственной жизни. Результаты нового порядка тотчас же выяснились. Власть императоров приобрела религиозное освящение, и их авторитет сильно возрос, тогда как сенат утратил всю свою прежнюю власть и влияние на государственные дела. Войска присягают на верность императору, от которого зависит мир и благополучие государства. Ему поклоняются, как богу. Все это было жизненным, а не догматическим, почему новый порядок обеспечил себе продолжительное существование, в противоположность другим культам и установлениям, которые быстро сменяли друг друга, не оставляя после себя никаких следов.

Глава II.

Римские и восточные элементы в культе императоров.

Культе императоров не было созданием национальной римской мысли, сознавшей необходимость освятить религией новый политический строй государства. Равным образом этот культ не был целиком заимствован с Востока, где поклонение живому властелину и религиозное почитание умерших практиковалось в самых широких размерах. Культе императоров, как и многие другие культурные переживания в римском государстве, возник на народной почве, но видоизменил национальную идею иноземными подражаниями и заимствованиями.

В организованном при Августе почитании божественности императорской особы основная религиозная идея была почерпнута из древнего верования римлян в гениев и магов. Кроме того, в культе императоров отразилось и влияние Востока, где почитание правителей играло видную роль в Египте и азиатских монархиях. С Востока же была воспринята и политическая идея культа, по возмож-

ности, приспособленная к римским понятиям. Впоследствии религиозное и государственное значение императорского культа тѣсно переплелись другъ съ другомъ и образовали настолько прочную религиозно-политическую идею, что она, преобразованная подъ вліяніемъ христіанства, въ видѣ пережитковъ продолжала существовать много вѣковъ спустя послѣ окончательнаго упраздненія божественнаго почитанія императоровъ.

§ 1. Римское народное вѣрованіе въ геніевъ и мановъ.

Религиозное почитаніе живого императора въ глазахъ римскаго народа находило себѣ полное оправданіе вслѣдствіе первобытнаго вѣрованія въ спутника бытія, извѣстнаго подъ именемъ „генія“. Оно то и послужило Августу главнымъ основаніемъ для организаціи культа императоровъ. Учитель грамматики и риторики въ Римѣ конца IV в. по Р. Х. Сервій такъ опредѣляетъ генія: *genium dicebant antiqui naturalem deum uniuscujusque loci vel rei vel hominis*¹⁾, т. е. геній, по мнѣнію древнихъ, есть божество, прирожденное мѣсту, вещи или человѣку. Являясь такимъ образомъ тѣсно связаннымъ съ человѣкомъ, геній вмѣстѣ съ нимъ рождался, существовалъ и умиралъ. Несмотря на такую связь, геній, по первоначальнымъ римскимъ понятіямъ, нисколько не вліялъ на судьбу человѣка. По сообщенію Амміана Марцеллина, геній не отвѣтственъ за поступки человѣка, такъ какъ отъ послѣдняго зависитъ привлечь его похвальными дѣлами или разгнѣвать и удалить дурными²⁾. Вообще же говоря, геній человѣка считался добрымъ божествомъ. Въ молитвахъ къ нему обращались со словами *mane genii*, т. е. добрый геній. Онъ обладаетъ способностью предвидѣть судьбу своего кліента, но, повидимому, не въ состояніи ему помочь. Передъ смертью Брута, убійцы Юлія Цезаря, къ нему явился геній въ образѣ сильно испуганнаго человѣка, но онъ не предупредилъ его о предстоящей участи.

Параллельно генію, прирожденному лицамъ мужескаго пола, древніе римляне вѣровали въ юнону—покровитель-

ницу женщинъ. Въ то время какъ всякій мужчина имѣлъ своего генія, каждая женщина, въ свою очередь, имѣла свою юнону.

Къ концу республики произошло нѣкоторое измѣненіе въ первоначальномъ взглядѣ на генія. Прежде всего распространилось убѣжденіе, что всѣ поступки человѣка, какъ хорошіе, такъ и дурные зависятъ отъ его генія. Такъ думалъ между прочимъ знаменитый поэтъ Горацій¹⁾. Наряду съ этимъ, возрѣніемъ въ Римѣ завоевывалъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ греческое философское ученіе о двойственности божественной природы—доброй и злой. Отсюда и геніевъ начинаютъ раздѣлять на добрыхъ и злыхъ, причемъ характеръ человѣка ставятъ въ зависимость отъ характера его генія.

Ученіе о двойственности божественной природы греческая философія заимствовала съ Востока, гдѣ оно составляло основу многихъ религиозныхъ системъ. Перенесеніе системъ такого рода въ Римъ и принятіе ихъ ученія римлянами видоизмѣнило національное понятіе о геніи въ смыслъ приданія ему нѣкоторыхъ восточныхъ чертъ религиознаго характера, что, въ свою очередь, подготовило существованіе политическаго значенія позднѣйшаго культа императоровъ.

Въ семейномъ быту особенно выдѣлялся геній хозяина, получившій значеніе генія всей семьи. Въ виду важнаго характера этого генія, имя его употреблялось въ клятвахъ, наряду съ тѣмъ, что было особенно дорого человѣку. Отсюда вполне естественъ переходъ къ культу императоровъ. Неограниченный монархъ могъ считаться хозяиномъ государства, подобно тому какъ отецъ считался хозяиномъ семьи. Поэтому и клятва именемъ императора признавалась самой священной.

Какъ выше сказано, геній человѣка умиралъ вмѣстѣ со своимъ обладателемъ. Поэтому геній императора могъ быть почитаемъ народными массами только при жизни. Но у римлянъ существовала примитивная вѣра въ загробную жизнь и она то послужила Октавіау основаніемъ для обожествленія умершаго Цезаря. Римляне вѣрили, что духъ человѣка

¹⁾ Ad georgica I, 302.

²⁾ XXI, 14.

¹⁾ Ер. II, 2, 187.

живетъ послѣ смерти. Онъ находитъ себѣ успокоеніе въ могилѣ вмѣстѣ съ тѣломъ, если надъ послѣднимъ совершенъ обрядъ погребенія и блуждаетъ на перекресткахъ, пугая живыхъ людей, если въ его честь не совершенно заупокойныхъ воаліній¹⁾. Римляне смутно представляли себѣ загробную жизнь. У нихъ не было строгаго разграниченія добрыхъ отъ злыхъ, не было и подземнаго царства, гдѣ умершимъ полагалось бы воздаяніе за дѣла земной жизни. Боги не имѣли никакого отношенія ни къ тѣнямъ, блуждавшимъ по землѣ, ни къ душамъ, покоящимся въ могилахъ. Самая загробная жизнь представлялась имъ въ видѣ безмятежнаго покоя и безсознательности, нарушаемыхъ только оскверненіемъ могилы по небрежности или изъ злыхъ побужденій.

Въ своемъ состояніи вѣчнаго покоя души умершихъ представлялись живущимъ существами, подобными богамъ, что видно изъ названій *dei parentum* и *di Manes*, т. е. богородители и добрые боги. Поэтому римляне обращались къ нимъ съ молитвами и прошеніями. По національнымъ римскимъ понятіямъ всѣ умершіе образуютъ особый разрядъ боговъ. Если это примѣнимо къ простымъ смертнымъ, то тѣмъ болѣе основаній имѣли римляне считать богами умершихъ императоровъ. Такое почитаніе съ одинаковой справедливостью можно приписать и простому народу, и образованному обществу. Для первыхъ это былъ религіозный культъ, а вторые смотрѣли на божественность умершаго императора съ философской точки зрѣнія. Въ концѣ республики въ Римѣ пользовалось большимъ распространеніемъ ученіе греческаго философа Эвгемера, который считалъ культъ героев и боговъ развившимся изъ поклоненія властелинамъ и другимъ замѣчательнымъ личностямъ.

Для обожествленія умершихъ императоровъ требовалось прежде всего сенатское постановленіе, а затѣмъ особый религіозный обрядъ—*consecratio* или *ἀποθέωσις*, т. е. обожествленіе. Но все это имѣло лишь политическій характеръ, какъ воздаяніе почестей умершему императору его преемникомъ. Это уже видно изъ того, что не всѣ императоры по смерти удостоивались божескихъ почестей, а лишь тѣ, которыхъ считали достойными новый императоръ и его послушное

орудіе—сенатъ. По народнымъ же понятіямъ всякій императоръ, какъ и каждый человѣкъ, по смерти имѣлъ право на божеское почитаніе.

§ 2. Культъ правителей на Востокѣ и въ Греціи.

Национальное римское вѣрованіе въ генія человѣка и почитаніе его, какъ бога, послѣ смерти врядъ ли возвысилось бы до степени обязательнаго для всѣхъ римскихъ гражданъ императорскаго культа, если бы къ нему не примѣшались иноземныя черты, заимствованныя изъ религій и государственнаго права Востока. Тамъ уже нѣсколько тысячелѣтій существовало поклоненіе божественности владыкъ. Культъ правителей первоначально возникъ въ Египтѣ. Это была едва ли не самая неограниченная монархія изъ существовавшихъ когда-либо. Частая смѣна династій не вліяла на ограниченіе власти фараоновъ. Египтяне, по словамъ Діодора Сицилійскаго, единогласно подтверждающимися всѣми другими источниками, почитали своихъ царей наравнѣ съ богами. „Сынъ Ра“, т. е. бога были обязательной прибавкой къ титулу фараона. Ихъ называли также „великими богами“, „добрыми богами“ и пр. Иреческое сословіе, если не фактически, то юридически находилось въ полной зависимости отъ фараоновъ. Божеское и человѣческое достоинства были настолько тѣсно сплетены въ личности фараона, что онъ самъ для себя отправлялъ богослуженіе. Сохранилось не мало памятниковъ, гдѣ фараонъ представленъ приносящимъ жертвы передъ своимъ собственнымъ изображеніемъ.

Божественность египетскаго царя, начинавшаяся при жизни, не прекращалась и послѣ смерти. Всѣ умершіе фараоны становились богами, которымъ царствующій фараонъ обязанъ былъ приносить жертвы. Не только простой народъ, но и самые высшіе чиновники были лишь жалкими рабами предъ лицомъ монарха. Самая незначительная милость, въ родѣ разрѣшенія прикоснуться къ коѣнамъ фараона, вмѣсто полагавашагося по обычаю припаданія къ стопамъ царскимъ, уже оказывалась достойной упоминанія въ эпитафіяхъ, наряду съ великими военными подвигами¹⁾.

¹⁾ См. *Ленорманъ, Ф.* Руководство къ древней исторіи Востока

¹⁾ Ovid. fast. II, 551.

Почти въ такой же степени почитались верховные владыки въ азіатскихъ монархіяхъ. И здѣсь передъ личностью властелина все подданные были рабами, воздававшими религиозное почитаніе своему божественному повелителю.

Въ Греціи мы нерѣдко встрѣчаемъ случаи обожествленія простыхъ смертныхъ. Упоминаемый Гомеромъ врачъ Эскулапъ по смерти сдѣлался предметомъ поклоненія одного племени, считавшаго его своимъ прародителемъ; потомъ въ честь его начали слагаться гимны и посвящаться храмы, и, наконецъ, онъ сдѣлался великимъ богомъ, которому поклонялась вся Греція. Повсюду на монетахъ появляются его изображенія. Люди обращаются къ нему съ мольбами не только какъ къ исцѣлителю отъ тѣлесныхъ недуговъ и страданій, но и при всякихъ заботахъ, какъ къ помощнику при горѣ и защитнику отъ зла. Рабъ получаетъ свободу въ его храмахъ; морякъ въ опасности взываетъ къ нему о помощи, а воинъ, выкупленный изъ плѣна, посвящаетъ ему благодарственную жертву; люди считаютъ его своимъ спасителемъ и царемъ, молятся ему, называютъ его руководителемъ и управителемъ вселенной, сохранителемъ міра и твердыней безсмертныхъ боговъ¹⁾. Въ греческой міеологій, кромѣ указанного примѣра, случаи обожествленія простыхъ людей весьма многочисленны. Да и самые боги слишкомъ похожи на человѣческій родъ, чтобы представлять нѣчто возвышенное и недостижимое. Изъ историческихъ личностей, бывшихъ предметомъ почитанія, слѣдуетъ отмѣтить Гармодія и Аристоглитона, которымъ, въ благодарность за сверженіе тиранній Пизистратидовъ, были воздвигнуты въ Аѣнахъ мѣдныя статуи. Знаменитаго аѣнскаго дѣятеля Перикла любили сравнивать съ Зевсомъ Олимпійскимъ. Тѣмъ не менѣе культъ правителей, проникшій въ Грецію съ Востока въ концѣ V-го вѣка до Р. Х., по своему существу оставался азіатскимъ, такъ какъ грекамъ было чуждо понятіе о божественности живыхъ людей. Однако, сношенія съ Востокомъ

подготовили появленіе и этого культа въ Греціи. Въ Малой Азіи, т. е. странѣ наиболѣе близкой къ Востоку, лакедемонскому полководцу Лисандру былъ воздвигнутъ алтарь и учреждены жертвы и игры. Но никто, конечно, не могъ считать временнаго стратега или архонта богомъ. Это было лишь новымъ видомъ лести. Только могущественный монархъ, неограниченно властвующій надъ обширной страной, могъ вселить мысль о своей божественности. И Филиппъ Македонскій, считая себя таковымъ, первый рѣшилъ причислить себя къ безсмертнымъ богамъ и, такимъ образомъ, перенести азіатскій культъ въ Европу.

Александръ Великій дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Это было тѣмъ легче, что въ завоеванныхъ имъ государствахъ обоготвореніе правителей практиковалось въ широкихъ размѣрахъ. Персы и другіе народы Азіи, переходя изъ-подъ власти обожествленныхъ монарховъ подъ власть Александра Македонскаго, само собою разумѣется, не могли думать о новомъ владыкѣ иначе, какъ придавая ему божескіе атрибуты. Еще естественнѣе можно было этого ожидать отъ египтянъ, гдѣ подобные примѣры обожествленія завоевателей уже имѣли свою исторію. Вслѣдъ за Востокомъ и Египтомъ города завоеванной Греціи признаютъ божественность Александра, оракулы провозглашаютъ его сыномъ Зевса, а простой народъ чествуетъ его въ процессіяхъ, какъ величайшаго изъ боговъ.

По смерти Александра, его культъ долго сохранялся среди покоренныхъ имъ народовъ. Не то было съ его преемниками. Въ Македоніи почести, оказываемыя Димитрію и Антигону, уже при жизни ихъ были оставлены, а по смерти замѣнились общей ненавистью. Только на Востокѣ Селевкиды, а въ Египтѣ Птоломенъ унаслѣдовали отъ Александра свою божественность. Народъ чествовалъ ихъ играми, жертвоприношеніями, сооруженіями храмовъ, организаціей жречества и религиозныхъ обществъ.

Въ послѣдующее время раздѣленія крупныхъ государствъ Азіи, тамъ возникали отдѣльныя царства, гдѣ цари, въ свою очередь, считались богами. Они выбивали на монетахъ слово *θεός* (=богъ) и имѣли себѣ алтари. Понятно, такое обожествленіе при жизни, влекло за собою обожествленіе послѣ смерти.

до Персидскихъ войнъ. Вып. I: Египетъ. Перев. подъ ред. М. П. Драгоманова. Кіевъ 1876, стр. 154—56.

¹⁾ См. *Спенсеръ Г.* Основанія социологій, пер. И. И. Билибина. Т. I. СПб. 1898 г., стр. 255.

§ 3. Культъ правителей въ Римѣ до Августа.

Культъ обожествленныхъ правителей, какъ это вполнѣ естественно, возникаетъ въ римскомъ государствѣ первоначально на востокѣ. Еще за два столѣтія до Р. Х., когда мѣсто греческихъ и македонскихъ полководцевъ заступили римляне, лстивымъ эдлинамъ ничего не стоило перенести уже созданную систему обожествленія на римскихъ префектовъ—Фламинина и пр. Вслѣдъ за греками и восточные народы начали создавать культъ почитанія римскихъ проконсуловъ. Римляне, первоначально презиравшіе лесть и низкопоклонничество грековъ, теперь весьма охотно дозволяли имъ ставить алтари римскимъ полководцамъ и проконсуламъ. Въ скоромъ времени нашлись поклонники новаго культа среди италійскихъ и сицилійскихъ грековъ. Въ Сиракузахъ, напримѣръ, были учреждены праздники въ честь Марцелла и его жены.

Въ самомъ Римѣ появляются единичные случаи обоготворенія. Марій послѣ побѣды надъ кимврами получаетъ титулъ „божественнаго основателя Рима“ и ему совершаются возліянія, какъ богу. А его племяннику Гратидіану народъ въ благодарность за монетную реформу воздвигаетъ статуи и сожигаетъ передъ ними ладанъ, вино и свѣчи. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такія очевидныя черты обоготворенія, все же въ нихъ нельзя видѣть прочной основы для возникновенія послѣдующаго культа императоровъ. Здѣсь лишь выразились въ нѣсколько необычной формѣ лесть и народный энтузіазмъ. И то, и другое, не имѣя юридическаго обоснованія и религіознаго освященія, представляютъ частное предпріятіе.

Болѣе широкій характеръ принимаетъ новый обычай одновременно съ появленіемъ единодержавія. Ежегодно смѣняемые консулы, конечно, не могли быть почитаемы и обоготворены, такъ какъ ихъ власть имѣла своимъ источникомъ народное постановленіе, продолжалась слишкомъ короткое время и была въ принципѣ согласована съ волею сената и народа.

Введенію культа императоровъ положила начало дѣятельность Юлія Цезаря. Его друзья воздавали ему такіа почести, какихъ не получалъ до него ни одинъ римлянинъ.

Послѣ битвы при Фарсалѣ (въ 48 г. до Р. Х.) сенатъ постановилъ помѣстить въ Капитоліи статую, которая представляла земной шаръ съ надписью, гдѣ Цезарь назывался полубогомъ—*hemiθεος*. Цезарю не понравились подобныя лстивыя восхваленія. Впослѣдствіи онъ даже приказалъ стереть эпитетъ полубога. Однако, онъ любилъ хвалиться своимъ родствомъ съ богами. Послѣ побѣды при Фарсалѣ онъ соорудилъ храмъ въ честь *Venus Genetrix*—родоначальницы рода Юліевъ, къ которому принадлежалъ самъ. Для прославленія богини онъ учредилъ особую коллегію, куда вошли представители рода Юліевъ. По постановленію сената мѣдная статуя Цезаря была помѣщена въ циркѣ между статуями боговъ. Въ храмѣ Квирина (*Quirinus*) ему воздвигли другую статую съ надписью „непобѣдимому богу“—*θεῷ ἀνίκητῳ*. Въ честь его были учреждены особая игра—*ludi quinquennales*, т. е. происходившія каждыя пять лѣтъ; далѣе сенатъ постановилъ, чтобы диктаторъ носилъ золотую корону, какъ у боговъ; вскорѣ онъ сдѣлался Юпитеромъ Юліемъ—*Juppiter Julius*. Цезарь и его милосердіе имѣли храмъ со священной оградой и особаго жреца, такъ называемаго фламина, который завѣдывалъ культомъ Юлія, подобно тому какъ *flamen Dialis* завѣдывалъ культомъ Юпитера. Наконецъ, даже въ календарѣ, преобразованномъ Цезаремъ, осталось воспоминаніе о диктаторѣ: мѣсяцъ *Quintilis* былъ переименованъ въ *Julius*, и такимъ образомъ Цезарь былъ поставленъ на равную степень съ богомъ Марсомъ и богиней Майей.

Самая смерть Цезаря послужила новымъ поводомъ для его обожествленія. Антоній вмѣсто надгробной рѣчи велѣлъ глашатаю прочесть сенатское постановленіе, въ которомъ убитому диктатору воздавались божескія и человѣческія почести. Народъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ сенатское постановленіе. Комета, появившаяся въ 44 году до Р. Х. во время игръ, даваемыхъ Октавіаномъ въ честь пріемнаго отца, и видимая въ теченіе семи дней, подала поводъ еще болѣе убѣдиться въ божественности Цезаря. Съ этихъ поръ на монетахъ начали изображать апоеозъ Цезаря въ видѣ кометы. Это послужило поводомъ къ появленію различныхъ лстивыхъ восхваленій, и Овидій заканчиваетъ свои „Метаморфозы“ разсказомъ о превращеніи Цезаря въ комету ¹⁾.

¹⁾ Ovid. met. XV.

Самым важным, однако, обстоятельством, послужившим к обожествлению Цезаря, было законно проведенное в 42 г. до Р. X. через сенат и народ постановление о присвоении ему титула Divus и об устройстве в честь его храма. С этого времени и Август, прежде называвший себя Caesar filius—сын Цезаря стал именоваться Divi filius—сын бога.

Глава III.

Август и окончательное установление культа императоров.

Божеские почести, оказанные Юлию Цезарю при жизни, не могли повлечь за собою прочного установления культа императоров. Догма римской религии не признавала божественности за живым человеком. Тем не менее почитание Цезаря не осталось без важных последствий: оно подготовило народное сознание к принятию нового культа.

Деятельность Цезаря встрячала в народ горячие симпатии, которые были ясно выражены после убийства диктатора. Его погубила, может быть, собственная неосторожность, потому что он слишком прямолинейно шел к намеченной цели—царской власти и не считал нужным считаться с национальными традициями. Его преемник Октавиан поступал гораздо осмотрительнее. Ставя своей задачей достижение той же цели, он, однако, действовал в строгом соответствии с законами и обычаями. Божеское почитание своей особы он допускал под видом поклонения своему гению, что было хотя менее почетно, но зато согласовалось с народными верованиями. И обожествление Цезаря Октавиан опять таки выполнил в соответствии с римской верой в божественность душ умерших. Больше смело вводился культ императоров в провинциях, где, впрочем, инициатива принадлежала большей частью самим провинциалам.

Преемники Августа не всегда подражали благоразумной умеренности основателя культа императоров. Иногда они, подобно Цезарю, требовали себе божеских почестей, но уже не опасаясь судьбы диктатора, так как идея единодержавия успела глубоко пустить корни. Культ импера-

торов постепенно пополняется восточными обрядами по мифу того, как Восток начинать играть в жизни империи все более выдающуюся роль.

§ 1. Культ императоров при Августе.

Отношение простого народа к убийцам Цезаря показало, что республика доживала последние дни, и что попытка какого-нибудь энергичного человека установить монархический образ правления будет встречена с полным сочувствием. По словам Плутарха, известие о смерти Цезаря „наполнило смущением и ужасом сердца народа, который не знал, что делать“. Когда на следующий день заговорщики говорили речи народу, то он „не высказывал ораторам ни своего удовольствия, ни хвалил их за поступок, но своим глубоким молчанием говорил ясно, что ему жаль Цезаря“. „Когда увидели труп, который несли через форум, труп, обезображенный массой ран, народ, под влиянием чувства горя, не мог сдерживать себя спокойно, в порядке. Собрав с форума в одну кучу скамьи, решетки, столы, под них подложили огонь и сожгли tutto. Затем народ схватил горящие головни и побужал к домам заговорщиков с целью сжечь их. Другие бегали по всему городу, отыскивая их, чтобы поймать и разорвать на части. Никто, однако, не попался им в руки, все они сумели заблаговременно скрыться в безопасном месте“¹⁾. Только один из друзей Цезаря, Цинна, принимавший косвенное участие в заговоре, явился к костру и был растерзан разъяренным народом. Главные же виновники, Брут и Кассий, покинули столицу.

Когда, по смерти Цезаря, возгорелась борьба за единодержавие, все соперники предъявляли требование на героическое и божественное почитание. Секст Помпей больше не довольствовался упоминаниями о славе отца; он приказывал в своем кругу матросов и начальников кораблей со всею строгостью почитать его, как сына Нептуна, и держал себя подобающим образом. Антоний утверждал, что происходит от Геркулеса, и ставил идеалом жизни

¹⁾ Плутарх. Сравнительная жизнеописание, пер. В. Алексеева, т. VI, вып. 2, СПб. 1893, стр. 387—89.

Вакха, великаго бога и побѣдителя. Послѣ побѣды при Фарсаль, онъ открыто воздавалъ въ Римѣ почести Гераклидамъ, а у грековъ и азіатовъ оставался Вакхомъ, пока не прибылъ въ Египетъ, гдѣ былъ принятъ и сочетался бракомъ съ царицей Клеопатрой, какъ Афродитой. Въ самомъ же Египтѣ Антоній и Клеопатра считались Озирисомъ и Изидой, а ихъ дѣти Гелиосомъ (т. е. Солнцемъ) и Селеною (Луной). Гораздо благоразумнѣе дѣйствовалъ Октавіанъ. Онъ тѣмъ успѣшнѣе достигъ поклоненія своей особѣ, что самъ никогда не обнаруживалъ инициативы, а предоставлялъ дѣла ихъ собственному теченію. Сдѣлавшись неограниченнымъ императоромъ, онъ всю жизнь считалъ себя лишь первымъ гражданиномъ республики. Не дозволяя строить себѣ храмы въ Римѣ, онъ принималъ божескія почести въ другихъ, болѣе мягкихъ формахъ. Онъ не любилъ, когда его называли богомъ, хотя, считаясь внукомъ обожествленнаго Цезаря, онъ имѣлъ право на божеское почитаніе. Здѣсь съ полной очевидностью обнаружилась осмотрительность Октавіана. Онъ уклонился отъ титула *deus*, потому что хотѣлъ создаваемый культъ императоровъ связать болѣе съ національной религіей римлянъ, чѣмъ съ восточными обычаями. А съ точки зрѣнія римской религіи божественныя почести можно было воздавать только умершимъ. Поэтому Октавіанъ удовольствовался титуломъ Августа, которымъ римляне обозначали все почетное и священное. Наоборотъ, въ провинціяхъ Октавіанъ нисколько не возбранялъ считать его богомъ.

Въ 7-мъ году до Р. Х., при сооруженіи въ Римѣ участковыхъ жертвенниковъ, послѣдніе были посвящены не только мѣстнымъ ларамъ (*lares compitales*)¹⁾, но также и *genio* Августа. Однако, такая формулировка культа императора имѣла мало значенія для простаго народа. Теряющія вѣру народныя массы, инстинктивно отшатываясь отъ политеизма и смутно переходя къ деизму, имѣли посредствующимъ звеномъ этой перемѣны культъ императоровъ. Имъ было бесполезно обращаться съ просительными молитвами къ какимъ-то отвѣченнымъ богамъ, такъ какъ боги, по

¹⁾ Т. е. ларамъ перекрестковъ. Подъ именемъ ларовъ здѣсь нужно разумѣть геніевъ или, иначе, божествъ двухъ или нѣсколькихъ сходящихся дорогъ или улицъ. Кромѣ этихъ ларовъ въ римской религіи встрѣчается много другихъ.

ихъ вѣрованіямъ, не вліяли на судьбу человѣка. Всѣ желанія и прошенія направлялись къ земному богу, облеченному неограниченной властью и имѣющему право карать и миловать.

Не такъ думало образованное общество. Но и оно наперывъ старалось засвидѣтельствовать передъ Августомъ свое убѣжденіе, что онъ является *именно* богомъ и притомъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени. Гораций изображаетъ Августа, какъ воплощеніе въ точности непавѣстнаго бога (Аполлона, Марса или Меркурія), который временно принялъ человѣческій образъ, а въ послѣдствіи вернется на небо¹⁾. Виргилій привѣтствуетъ Августа, какъ бога, дающаго странѣ покой²⁾. Еще чаще встрѣчаются указанія на то, что Августъ будетъ богомъ послѣ смерти. Это находило себѣ оправданіе въ эвгемеризмѣ (см. выше), широко распространенномъ въ Римѣ къ концу республики. Согласно этому ученію, культъ героев и боговъ развился изъ поклоненія властителямъ и другимъ замѣчательнымъ личностямъ, что оправдывало льстивыя похвалы Августу. Правда, души всѣхъ умершихъ безсмертны, но только сильныхъ и добрыхъ божественны³⁾. По ученію стоиковъ, души мудрыхъ людей переселяются на небо: добродѣтель открываетъ имъ небесныя жилища⁴⁾.

При такомъ общемъ сочувствіи возникъ культъ императоровъ. Августъ положилъ ему начало возданіемъ божескихъ почестей Цезарю и разрѣшеніемъ поклоняться своему генію. Послѣдующіе императоры, ничего не измѣняя по существу, вносятъ лишь небольшія перемѣны или дополненія къ новому культу. Вообще же ихъ мѣропріятія сводятся къ усиленію политическаго вліянія культа, а его религіозный характеръ постепенно теряетъ смыслъ и къ концу третьяго вѣка вовсе исчезаетъ.

§ 2. Дальнѣйшее развитіе культа императоровъ.

Чудеса, подобныя тѣмъ, которыя совершались по смерти Цезаря, послѣдовали и за смертью Августа. Ударъ молніи

¹⁾ Hor. carm. I, 2.

²⁾ Eclog. I, 6: *deus nobis haec otia fecit*.

³⁾ Cic. de legibus II, 11.

⁴⁾ Hor. carm. III, 2, 21.

разбилъ надпись у подножія его статуи, буква С изъ слова Caesar исчезла, и осталось на надписи *Aesar*, т. е., по этрусски, богъ. Никто не сомнѣвался видѣть въ этомъ чудъ указаніе свыше.

Послѣ пышныхъ похоронъ Августа, его супруга Ливія сдѣлалась жрицей новаго Divus'a. Она приняла имя Августы и рядъ почетныхъ титуловъ: mater patriae, genetrix orbis и пр. ¹⁾ Панегирики называли ее Герой, Церерой, Вестой, Реей. Тиберій много потрудился для культа Августа. Онъ учредилъ въ его честь жреческую коллегію *Sodales Augustales* ²⁾, наподобіе *Sodales Titii*; построилъ храмъ, который былъ законченъ и освященъ Калигулой; учредилъ особаго фламينا въ честь Divus Augustus. вмѣстѣ съ тѣмъ Тиберій наказывалъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, не относился съ подобающимъ почетомъ къ культу Августа. Городъ Кизикъ былъ лишенъ своихъ вольностей за пренебреженіе къ обрядамъ поклоненія Августу, а обвинители одного азіатскаго консула выставляли на видъ оскорбленіе имъ культа Августа. По отношенію къ частнымъ лицамъ Тиберій былъ первоначально довольно снисходителенъ, но потомъ со всею строгостію преслѣдовалъ нарушенія культа. Ударить раба или перебить одежды передъ статуей Августа, принести въ позорное мѣсто его изображеніе на кольцѣ или монетѣ, сказать слово или совершить поступокъ, который Тиберію казался бы оскорбительнымъ для бога—этого было достаточно, чтобы объявить смертный приговоръ. Между тѣмъ Тиберій не разрѣшалъ оказывать своей особѣ божескія почести, а если и позволялъ воздвигать статуи, то только какъ украшенія, а не святыни. Лишь въ провинціяхъ онъ допускалъ себѣ культъ. Такъ, онъ разрѣшилъ построить въ Смирнѣ храмъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ его имени были присоединены имена матери и сената. А испанцамъ было отказано въ подобной просьбѣ.

Послѣдніе годы Тиберія оставили по себѣ печальную память. Поэтому, когда Калигула предложилъ сенату причислить Тиберія къ богамъ, то сенатъ отказался, и Калигула не настаивалъ. Та же участь постигла и самого Калигулу, Нерона и предшественниковъ Веспасіана. Напротивъ, Клав-

¹⁾ Т. е. матерью отечества, родоначальницей міра и пр.

²⁾ Буквально „собратья Августа“.

дій былъ объявленъ сенатомъ Divus. Неронъ пробовалъ уничтожить постановленіе сената, но это показалось святотатствомъ, и Веспасіанъ вернулъ Клавдію право на почитаніе. Изъ Флавіевъ Веспасіанъ и Титъ были обожествлены. Домиціанъ же, несмотря на провозглашеніе апофеоза арміей, не удостоился этой почести со стороны сената. Даже болѣе того: онъ былъ осужденъ на забвеніе (*damnatio memoriae*), и его имя стиралось съ надписей.

Послѣдующая эпоха открываетъ цѣлый рядъ Divi: Нерва, Траянъ, Гадріанъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій и Л. Веръ были обожествлены. Въ дальнѣйшемъ римскій пантеонъ продолжалъ столь же щедро пополняться новыми богами. Все зависѣло отъ того, хотѣлъ ли новый императоръ обожествленія своего предшественника, сенатъ же игралъ второстепенную роль. Макринъ, убивъ Каракаллу, хорошо зналъ, какою популярностью пользовался послѣдній въ арміи, чтобы отказать ему въ апофеозѣ. Сенатъ попробовалъ протестовать, но энергичнаго письма было достаточно, чтобы всякое сопротивленіе оказалось бесполезнымъ. Такимъ образомъ апофеозъ императора былъ лишь политическимъ приемомъ наслѣдника, пользовавшагося имъ для собственной выгоды, а отнюдь не изъ религіозныхъ побужденій. Веспасіанъ передъ смертью шуточно говорилъ, что скоро сдѣлается богомъ, а Каракалла, убивъ брата, съ ироніей замѣтилъ: „*Sit Divus, dum non sit vivus*“, — „пусть будетъ богомъ, лишь бы не жить“.

Но апофеозъ не былъ привилегіей однихъ только императоровъ. Нѣкоторые изъ нихъ желали, чтобы члены ихъ семьи получали такіе же почести. Неронъ заставилъ воздавать божеское поклоненіе своему отцу Гн. Домицію, но не рѣшился провозгласить его богомъ. Дальше въ этомъ отношеніи пошелъ Траянъ. Онъ приказалъ выбить медали имени „божественнаго отца Траяна“ (*Divus Trajanus pater*). Точно также и сыновья императоровъ были Divi, если они умирали ранѣе отцовъ. Императрицы, сестры и дочери августовъ были присоединяемы къ божеству ихъ супруговъ, братьевъ и отцовъ. Друзилла первая приняла эту честь по приказу Калигулы, Ливія—по распоряженію Клавдія. Неронъ далъ своей умершей дочери титулъ „божественной дѣвицы Клавдіи“ (*Diva Claudia Virgo*), а послѣ убійства жены Понпеи,

сдѣлалъ ее Diva Poppea Augusta—божественной Поппеей Августой.

Обожествленію подвергались не только мертвые. Нѣкоторые императоры требовали себѣ божескихъ почестей уже при жизни. Не говоря о безумствахъ Калигулы и Коммоды, сравнительно умѣренный Гадрианъ, путешествуя по Греціи, сдѣлался настоящимъ Зевсомъ. Домиціанъ считалъ себя богомъ, какъ сынъ Минервы.

Мало-по-малу религіозный характеръ императорскаго культа ослабѣвалъ, и послѣдній приобрѣталъ гражданскій характеръ. Вѣра въ греческихъ и римскихъ боговъ пала. Діоклетіанъ и Максиміанъ пробовали возстановить древнее религіозное почитаніе императорскаго культа. Первый началъ называть себя Jovius, а второй Nesculius. Но все было тщетно. Древней вѣры уже не было. Вслѣдъ за ней явилась новая идея о божественности царской власти, но это было уже тогда, когда христіанство восторжествовало надъ язычествомъ.

§ 3. Внутреннее содержаніе культа императоровъ.

Въ культѣ императоровъ нужно строго различать двѣ стороны: А) возданіе почестей императору при его жизни и В) обожествленіе по смерти (consecratio, ἀποθέωσις). Первый родъ почитанія былъ основанъ на почитаніи генія человѣка, а второй—на вѣрѣ въ божественность души человѣческой послѣ смерти. Въ обоихъ случаяхъ нужно кромѣ того отличать культъ въ Римѣ отъ провинціального.

А. Почести, воздаваемые императору при жизни, можно раздѣлить на двѣ группы: одни имѣютъ въ основѣ божественность императора, а другія служатъ выраженіемъ лишь извѣстнаго уваженія или даже лести и, собственно говоря, не имѣютъ религіознаго характера. Къ числу первыхъ нужно отнести культъ генія императора и связанныя съ нимъ почести, ко вторымъ—различныя титулы, имѣющіе болѣе льстивый, чѣмъ священный характеръ.

Геній императора¹⁾ почитался далеко за предѣлами Рима. Его имя употребляли въ клятвахъ наряду съ именами боговъ. На самомъ же дѣлѣ имя императора значило

¹⁾ И Юнона (см. гл. II, § 1) императрицы. Коллегія арвальскихъ братьевъ почитала обоихъ одинаково.

больше имени боговъ, потому что нарушеніе клятвы геніемъ императора влекло за собою большее наказаніе, чѣмъ оскорбленіе всѣхъ другихъ божествъ. Къ клятвѣ геніемъ императора иногда прибавляли клятву его благоденствіемъ—Salus. При Тиберіи была запрещена клятва именемъ прочихъ смертныхъ.

Не менѣе важнымъ способомъ поклоненія императорамъ служили ихъ изображенія и храмы. Это уже былъ переходъ отъ льстивыхъ титуловъ къ признанію божественности императоровъ съ точки зрѣнія религіи. Статуи императоровъ помѣщались inter simulacra deorum¹⁾ и въ лагерныхъ святилищахъ, гдѣ значеніе ихъ было аналогично значенію знаменъ. Кромѣ того, почти въ каждомъ домѣ встрѣчались изображенія императоровъ среди семейныхъ святиль. На статуи императоровъ также распространялась неприкосновенность. При Тиберіи былъ привлеченъ къ отвѣтственности проконсулъ Виенніи Граній Марцеллъ за то, что онъ изъ экономіи снялъ голову со статуи Августа для замѣны ея головой Тиберія.

Виднымъ преимуществомъ императорской власти было право на изображеніе императора съ сѣніемъ около головы—corona radiata. Первоначально право на него имѣли только обожествленные—Divi, но, начиная съ Нерона, этотъ обычай постепенно распространяется и на живыхъ императоровъ. При дальнѣйшемъ развитіи культа императоровъ возникаютъ новыя почести: со времени Антониновъ устанавливается обычай носить огонь передъ императорами и императрицами. Помимо возданія божескихъ почестей, императоровъ прямо начинаютъ величать богами. Домиціанъ первый приказалъ называть его Dominus et Deus²⁾. А Деоклетіанъ и Максиміанъ Геркулъ имѣли титулъ Diis geniti et Deorum creatores. Вся семья, гдѣ имѣются Divi, уже получаетъ названіе domus divina. Наконецъ, даже θεός становится банальнымъ. Изобрѣтается новая форма—θεῖστος—sacratissimus, т. е. священнѣйшій.

Послѣднимъ по времени было введеніе Л. Вителіемъ божественной почести императорамъ—adoratio—вполнѣ восточнаго обычая. Римляне считали позорнымъ повергаться

¹⁾ Т. е. среди изображеній боговъ.

²⁾ Т. е. господиномъ и богомъ.

передъ человѣкомъ для возданія ему поклоненія. Когда Калигула вернулся изъ Сирии, то онъ не позволялъ приближаться къ себѣ иначе, какъ съ покрытой головой, что практиковалось у римлянъ при исполненіи богослужебныхъ обрядовъ¹⁾. Впрочемъ, обычай повергаться передъ императорами далеко не пользовался всеобщимъ сочувствіемъ, и многие императоры его не допускали.

Такимъ образомъ, подъ самыми разнообразными формами проводилась мысль, что императоръ даже при жизни имѣть въ себѣ что-то божественное; что онъ заслуживаетъ такихъ же почестей, какъ Юпитеръ и другіе боги, что его мудрость, бѣлая даже, чѣмъ мудрость боговъ Олимпа, покровительствуетъ обитателямъ имперіи, что онъ лучшій охранитель данного слова, чѣмъ Юпитеръ и пенаты; что ему приличествуютъ различные почетные титулы, даже до именования богомъ²⁾.

В. Чествованіе умершихъ императоровъ—апоеозъ—было простой формальностью, въ силу которой императоръ получалъ божественность, на которую имѣлъ право. Впрочемъ, не всегда сенатъ постановлялъ апоеозъ. Иногда, наоборотъ, онъ рѣшалъ уничтожить память о покойникѣ и стереть съ надписей его имя, иногда уклонялся и осуждать, и обожествлять. Но разъ сенатомъ въ принципъ было постановлено обожествленіе, то это торжество представляло величественную картину, которая могла вполне удовлетворить страсть римской черни къ зрѣлищамъ.

Образцомъ апоеоза послужилъ апоеозъ Августа въ 14 г. по Р. X. Обыкновенно тѣло императора торжественно погребали, соблюдая полагавшіеся по обычаю обряды. Затѣмъ дѣлали изъ воска изображеніе, которое выставляли сперва во дворцѣ, гдѣ торжественно объявлялось о смерти императора, послѣ чего въ процессіи его переносили на форумъ къ тому мѣсту, гдѣ магистраты слагали съ себя полномочія. Послѣ этого начиналось грандіозное шествіе. Впереди несли статуи знаменитыхъ римскихъ мужей древности, затѣмъ шли хоры дѣтей и взрослыхъ съ пѣніемъ траурныхъ пѣсней. За ними слѣдовали побѣжденные народы, представ-

¹⁾ Напротивъ, у грековъ при богослуженіи голова оставалась открытой.

²⁾ См. *Beurlier*, стр. 43—54.

ленные въ видѣ бронзовыхъ статуй, одѣтыхъ въ національные костюмы. Далѣе—писцы, ликторы, глашатаи и пр. Еще далѣе—бюсты знаменитыхъ личностей, конные и пѣхотинцы, сенаторы съ женами, всадники и коллеги. Шествіе замыкалъ позолоченный жертвенникъ, украшенный драгоценными камнями. Процессія направлялась подъ звуки рыданій и пѣнія на Марсово поле. По дорогѣ новый императоръ произносилъ похвальное слово покойному. На Марсовомъ полѣ происходилъ обрядъ сожженія. Изъ костра вылеталъ орелъ въ знакъ того, что душа умершаго переселялась на небо. Это, собственно говоря, и служило символомъ обожествленія императора. По окончаніи сожженія трупа, императоръ былъ уже *Divus*¹⁾, *sideribus receptus*. Весьма часто ему сооружались храмы, внутри которыхъ находились алтари. Первый такой храмъ въ честь Юлія Цезаря былъ освященъ въ 29 г. до Р. X.—*aedes Divi Julii*. Храмъ въ честь Августа былъ построенъ на Палаціи, что указываетъ на національный характеръ культа. Вѣроятно, въ этомъ же храмѣ позднѣйшіе *Divi imperatores* имѣли свою кумирню, откуда и самый храмъ получилъ названіе *Templum Divorum*. Храмы въ честь императоровъ имѣли право убѣжища (*asylum*), чего не имѣли другіе храмы. Такое же право имѣла статуя Августа, а равно и позднѣйшихъ императоровъ. Это право, впрочемъ, вытекало не изъ религіозныхъ особенностей культа, а въ силу императорской *tribunicia potestas*, распространенной на всѣхъ римскихъ подданныхъ и даже рабовъ.

Въ честь обожествленнаго императора учреждались игры, а его день рожденія считали праздникомъ. Въ клятвахъ *Divi* упоминались рядомъ съ именами царствующихъ императоровъ. Однимъ словомъ, почестей умершему императору воздавалось не менѣе, чѣмъ живому. Только въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ очень часто принудительный характеръ, вытекавшій въ силу политической необходимости, а по отношенію къ *Divi* поклоненіе почти всегда носило исключительно религіозный характеръ.

¹⁾ Слово „*divus*“, обозначавшее прежде вообще „божественный“ или „богъ“ (*Corpus Inscriptionum Latinarum* VI, 110: *sei deo sei deivo*. *Not. scdm.* III, 5, 2), получило съ этого времени специальное значеніе „обоготворенный“, т. е. человѣкъ, покинувшій землю, чтобы сдѣлаться богомъ, тогда какъ *deus* есть названіе бога, бывшаго таковымъ всегда. По гречески оба понятія выражались безразлично черезъ *θεός*, а *Divi filius* черезъ *θεός υἱός*. См. *Петрушиль II. В.*, Т. II, стр. 108 пр. 9.

С. *Вид Рима* культъ императоровъ возникъ еще при Августѣ и тогда же получилъ почти окончательную форму. Августъ тамъ допускалъ въ широкихъ размѣрахъ поклоненіе своей особѣ. Въ Неаполѣ въ честь его были учреждены *ludi quinquennales*. Подобныя же игры были и въ Кумахъ. Въ Помпеяхъ и Пизѣ находились фламины Августа. Въ этрусскомъ городѣ *Forum Clodii* въ день рожденія Августа на его алтарь приносили ладанъ и вино, и совершали закланіе жертвъ. Въ Беневентѣ, Таррацинѣ, Полѣ, Веронѣ, Кремонѣ, Пизѣ, Путеолѣ были воздвигнуты ему храмы.

Провинціи не отставали отъ Италіи. Въ Азіи съ разрѣшенія императора сооружались храмы *Ρωμαῖ καὶ Σεβαστῶν* — *Romae et Augusto*. Здѣсь почва уже давно была подготовлена для божественнаго почитанія римскихъ императоровъ. Совсѣмъ не такъ обстояли дѣла на Западѣ. Тамъ народное сознаніе не только не дошло до пониманія государственнаго культа, но и самую идею государства сознавало весьма смутно. Поэтому на западѣ римскія власти насильно вводили культъ императору. Существовавшему тамъ върванію въ геніевъ и ларовъ былъ приданъ характеръ римскаго культа и, въ свою очередь, подъ именемъ *lares Augusti*, они были приняты въ число римскихъ божествъ.

Помимо добровольнаго почитанія римскихъ императоровъ, провинціи были обязаны почитать ихъ еще и официально. Первой и главной обязанностью каждаго провинціального собранія было принесеніе молитвъ и жертвъ за царствующій домъ. Религіозная церемонія открывалась процессіей во главѣ со жрецомъ, одѣтымъ въ пурпуръ и увѣчанномъ золотымъ вѣнкомъ. Въ шествіи принималъ участіе длинный рядъ депутатовъ отъ городовъ и другихъ лицъ, явившихся на торжество; затѣмъ жрецъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ приносилъ молитвы за весь императорскій домъ, за сенатъ, за римскій народъ; далѣе слѣдовали жертвоприношенія, возліянія, возженія ладана; все сопровождалось пѣніемъ и пляской. Религіозная часть церемоніи заканчивалась обѣдомъ, въ которомъ участвовали всѣ желающіе ¹⁾.

¹⁾ *Куль II.*, Провинціальные собранія у римлянъ, Харьковъ 1898, стр. 65.

Почти во всѣхъ провинціяхъ были храмы въ честь Рима и Августа.

Въ главнѣйшихъ городахъ ихъ было нѣсколько. Иногда статуи, воздвигнутыя по постановленію народныхъ собраній, помѣщались въ самомъ Римѣ. На востокъ Афины были центральнымъ пунктомъ, куда сходились всѣ почести, расточаемыя Гадриану, который былъ особенно почитаемъ провинціалами за свои милости. На западѣ роль Аенны играли провинціальныя храмы въ Тарраконѣ иберійскомъ и Ліонѣ.

Глава IV.

Культъ императоровъ и гоненія на христіанъ въ Римской имперіи.

Первыя извѣстія о христіанствѣ въ Римѣ относятся ко времени Клавдія, когда христіанъ считали еврейской сектой. Къ концу перваго вѣка они уже имѣли сторонниковъ среди близкихъ къ императорамъ лицъ. Во 2-мъ вѣкѣ христіанство еще болѣе распространяется, а въ 3-мъ вѣкѣ представляетъ уже обширную организацію, охватившую значительную часть имперіи. Эпоха гоненій на христіанъ начинается при Неронѣ въ 64 г. и съ перерывами продолжается до 313 г. Первоначально преслѣдованія христіанъ имѣли случайный характеръ, но уже Траянъ формулировалъ принципиальную наказуемость христіанства: „розыскивать ихъ не слѣдуетъ, но, если ихъ обвинять и уличать, то ихъ должно казнить. Въ 3-мъ вѣкѣ Септимій Северъ запретилъ переходъ въ христіанство, а Максиминъ требовалъ преслѣдованія клира. Въмѣсто случайныхъ преслѣдованій, христіанство становится гонимымъ, какъ организація, преслѣдующая цѣли, противныя римскимъ государственнымъ установленіямъ. Со времени Декія язычество съ такимъ озлобленіемъ преслѣдуетъ христіанство, что борьба могла прекратиться только съ окончательной гибелью одной изъ сторонъ.

§ 1. Столкновеніе культа императоровъ съ христіанствомъ.

Христіанство съ самаго начала вполне опредѣленно высказало свое отношеніе къ гражданской власти и императорскому культу. Въ то время, какъ власть императора безусловно господствовала надъ умами гражданъ, одни лишь

христиане ускользали от ее влияния. Церковь признает государство, как необходимую форму общежития, установленную самим Творцом мира и Устроителем всего миропорядка ¹⁾. Она признает за ним право законодательства, управления и суда. Христиане должны воздавать гражданской власти все должное: подати, повиновение, почтение, уважение, верность: „будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа“, — пишет св. апостолъ Петръ: „дарю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро ²⁾... Бога бойтесь, царя чтите“ ³⁾. Наряду съ этимъ развивается мысль объ исхожденіи власти отъ Бога. Но, признавая за властью величайшее могущество, христианство рѣшительно разграничиваетъ свѣтскую и духовную компетенцію. Всецѣло подчиняясь свѣтской власти въ мирскихъ дѣлахъ, христиане рѣшительно отказываются признавать за государствомъ право на вмѣшательство въ дѣла вѣры. Значитъ этимъ самымъ христиане лишали правительство значительной части его компетенціи.

Отношеніе къ императорской власти обстоятельно разобрано въ древне-христианской литературѣ. Слѣдуя завѣту Учителя воздавать Кесарево Кесарю, а Божіе Богу, христиане не могли считать императора богомъ. „Я почитаю императора, писалъ Теофилъ Автолику, но я ему не поклоняюсь, а молюсь за него. Я поклоняюсь только Истинному и Живому Богу, Который сотворилъ императора. Ты меня спросишь, почему я не поклоняюсь императору? Я отвѣчу: потому что онъ созданъ не для поклоненія, а для оказанія ему законнаго почета. Онъ не богъ, но человѣкъ, созданный Богомъ не для поклоненія, но для справедливаго правленія. Это какъ бы слуга, довѣренный Бога. Онъ не допускаетъ, чтобы магистратамъ, находящимся въ его распоряженіи, давали имя императоровъ: подобно тому, какъ только онъ имѣетъ право называться императоромъ, такъ точно Богъ Одинъ имѣетъ право на поклоненіе“ ⁴⁾. Св. Иустинъ въ своей апологіи къ Антонинамъ пишетъ: „Мы поклоняемся только

¹⁾ I посл. ап. Петра, гл. 2, 13—14.

²⁾ I, 2, 13—14.

³⁾ Ibid. 17.

⁴⁾ Theoph. ad Autolyceum I, 11—12.

одному Богу, но вамъ служимъ съ радостью; мы почитаемъ императора и повелителя людей, мы молимся за могущество императорское, чтобы мудрость царилъ въ его совѣтахъ“ ¹⁾. Въ такомъ же духѣ пишетъ Тертулліанъ въ Апологетикѣ: „Я не могу назвать императора богомъ, потому что не умѣю лгать, а давать ему такое имя—значитъ глумиться надъ нимъ“ ²⁾. „Перестаньте“, обращается онъ къ язычникамъ, „почитать богомъ того, кто самъ нуждается въ Богѣ. Если вы не стыдитесь лести, то побойтесь, по крайней мѣрѣ, того зла, которое она предвѣщаетъ“. И онъ приводитъ поговорку Нерона: называть цезаря богомъ до апофеоза, это значитъ приносить ему несчастье ³⁾. Христиане отказываются клясться геніемъ императора, ибо геній есть демонъ, т. е. ложное божество ⁴⁾.

Отказываясь воздавать императорамъ божеское поклоненіе, христиане, однако, признаютъ за ними власть и молятся объ ихъ благополучіи. Аѳинагоръ пишетъ императору: „мы, называемые христианами, не дѣлаемъ никому вреда; будучи благочестивыми, мы почитаемъ твою императорскую власть“ ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ такіе строки: „кто имѣетъ болѣе права быть выслушаннымъ, чѣмъ мы, молящіеся о благоденствіи твоей имперіи, чтобы отъ отца къ сыну вы передавали власть и чтобы твое все возрастающее могущество могло простираться на всю вселенную. Твое благоденствіе въ нашихъ интересахъ, ибо оно даетъ намъ возможность вести спокойную жизнь, оказывая тебѣ отъ всего сердца должное повиновеніе“ ⁶⁾. Еще прямолинейнѣе высказываетъ ту же мысль Тертулліанъ: „если вы убѣждены“, пишетъ онъ язычникамъ, „что мы не заинтересованы въ жизни цезарей, раскройте наши книги: они—Слово Божіе, мы ихъ ни отъ кого не скрываемъ. Вы изъ нихъ узнаете, что намъ предписано простирать свою любовь даже до молитвъ за нашихъ гонителей. Вы тамъ найдете строгое правило: молитесь за правителей, за ихъ могуще-

¹⁾ I, Apolog. 17.

²⁾ Tert. apolog. 33; ad nationes I, 17.

³⁾ Apolog. 34.

⁴⁾ Apolog. 33; ad nationes I, 17.

⁵⁾ Athenag. Legat. pro Christ., 1.

⁶⁾ Ibid. 37.

ство на землѣ, чтобы вамъ пользоваться полнымъ спокойствіемъ“¹⁾. „Мы, пишетъ онъ выше, взываемъ къ Богу Вѣчному, Богу истинному, Богу Живому о благополучіи императоровъ. Съ глазами, обращенными къ небу, съ руками, поднятыми вверхъ, ибо онѣ чисты, съ открытой головой, потому что намъ не за что краснѣть, безъ заранѣе выработанныхъ формулъ, потому что мы молимся отъ сердца, мы постоянно всѣ просимъ для всѣхъ императоровъ, каковы бы они ни были, долгой жизни, спокойнаго правленія, безопасности въ домѣ, силы въ арміяхъ, вѣрности въ сенатѣ, добродѣтели въ народѣ, спокойствія въ мірѣ и всего, чего могутъ желать люди или цезари“²⁾.

Видъ выраженія божескаго почитанія генія императора христіане были расположены воздавать цезарямъ всякое законное почтеніе. Тертуллианъ ничего не имѣетъ даже противъ клятвы благоденствіемъ императора, намекая на военную клятву: христіане клянутся защищать императора и предпочитаютъ всему его благополучіе. Такая клятва разрѣшалась, и много христіанъ сражались въ императорскихъ арміяхъ подъ римскими орлами. Правда, оказалось нѣкоторое число христіанъ, которые считали подобную клятву несовмѣстимой со званіемъ христіанина и тотъ же Тертуллианъ въ концѣ жизни становится во главѣ этого движенія³⁾. Но такое ученіе не было ортодоксальнымъ, и многіе изъ христіанъ продолжали служить въ легіонахъ.

Такимъ образомъ столкновеніе культа императоровъ съ христіанствомъ еще болѣе обострило отношенія правительства къ новой религіи. До сихъ поръ гоненія на христіанъ могли опираться только на весьма неопредѣленный законъ о недозволенныхъ сообществахъ. Теперь же язычество составляетъ противъ христіанъ болѣе вѣское обвиненіе—нежеланіе подчиниться обязательному для всѣхъ закону о почитаніи императоровъ. Тщетно христіане въ свое оправданіе говорили, что императоръ для нихъ—первый послѣ Бога, что они никогда не принимали участія въ мятежахъ, что они умираютъ, но не возстаютъ, хотя, быть можетъ, могли

бы, такъ какъ число ихъ постоянно возрастало. Римскіи формализмъ бралъ перевѣсъ надъ содержаніемъ, и оправданія христіанъ были безплодны.

§ 2. Гоненія на христіанъ за неподчиненіе культъ императоровъ.

Культъ обожествленныхъ цезарей сыгралъ видную роль въ гоненіяхъ на христіанъ. „Быть можетъ, ни изъ-за чего другого не было пролито такъ много христіанской крови, какъ изъ-за этого рода религіознаго почитанія у римлянъ“—пишетъ извѣстный церковный историкъ А. П. Лебедевъ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ указаній на роль культа императоровъ въ гоненіяхъ на христіанъ въ первомъ вѣкѣ. Первое несомнѣнное указаніе этого рода относится только къ концу 112 года по Р. Х. Виѣнскій намѣстникъ императора Траяна, извѣстный Гай Плиній Секундъ въ своемъ письмѣ къ императору упоминаетъ о томъ, какимъ образомъ онъ уличалъ христіанъ. Ихъ приводили къ языческимъ святищамъ, въ томъ числѣ къ изображенію императора, и заставляли воздавать имъ поклоненіе и проклинать Христа. Такимъ образомъ культъ императоровъ разсматривается здѣсь, какъ нераздѣльная часть религіи, поклоненіе которой является обязательнымъ.

Въ указанномъ случаѣ дѣло ограничивается лишь требованіемъ воздать поклоненіе изображенію императора. Но не всегда бывало такъ. Въ дошедшемъ до насъ мученичествѣ св. Поликарпа Смирнскаго главную роль пріобрѣтаетъ клятва геніемъ императора. Съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на это мученичество, признавать ли исполнѣ его достовѣрность или считать легендарными нѣкоторыя подробности, какъ это принято въ церковно-исторической наукѣ,—во всякомъ случаѣ способъ принудить христіанъ къ отреченію должно признать фактически достовѣрнымъ. Дружески расположенный къ св. Поликарпу прінарьхъ, убѣждая его уклониться отъ наказанія, говоритъ: „Что худого сказать *хѳіе хлѣѣр*, принести ему жертву и тѣмъ спасти себѣ жизнь?“ Очевидно въ словахъ *хѳіе хлѣѣр*, произнесенныхъ христіанами, и заключалась формула отреченія отъ Христа.

¹⁾ „Эпоха гоненій на христіанъ“, стр. 12.

¹⁾ Tertull. Apolog. 31.

²⁾ Tertull. Apolog. 30.

³⁾ См. его сочиненіе *Corona militis*.

Дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ изложеніи мученичества св. Поликарпа вопросъ вращается исключительно въ сферѣ поклоненія генію императора. Между проконсуломъ и мученикомъ произошелъ діалогъ:

— „Пожалѣй свой почтенный возрастъ и не доводи дѣло до своей гибели; поклонись геніемъ цезаря, одумайся и скажи: смерть безбожникамъ (*χίρε τὸς ἀθέους*)“.

Поликарпъ грустно и строго посмотрѣлъ на сидѣвшую въ циркѣ бушующую толпу, указавъ на нее рукою и произнесъ, обращая глаза къ небу:

— „*χίρε τὸς ἀθέους*“.

— „Поклонись геніемъ цезаря,—продолжалъ проконсулъ,—и похули Христа“.

Поликарпъ отвѣтилъ:

— „Восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Ему и никакой обиды не потерпѣлъ отъ Него; какъ же я могу похулить Царя Моего, Который спасъ меня?“

Проконсулъ продолжалъ склонять Поликарпа къ отреченію:

— „Поклонись же геніемъ цезаря и я отпущу тебя“.

Тогда Поликарпъ замѣтилъ:

— „Напрасно ты дѣлаешь видъ, что не понимаешь меня, предлагая поклониться геніемъ цезаря. Если же ты не хочешь понять меня, я скажу тебѣ ясно; слушай: я христіанинъ“¹⁾.

Въ этомъ процессѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что клятва именемъ цезаря составляетъ искупленіе за принадлежность къ христіанству. Нѣсколько иначе происходилъ процессъ ихлнскихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ Карѳагенѣ 17-го іюля 180 г., въ первый годъ царствованія Коммода. *Acta Martyrum Scilitanorum* сохранили разговоръ между судьей—проконсуломъ Сатурниномъ и обвиняемыми:

Сатурнинъ. Вы можете получить милосердіе императора, если одумаетесь и принесете жертвы всемогущимъ богамъ.

Сператъ. Мы ничего не дѣлаемъ и не говоримъ дурного, но воздаемъ благодарностью за причиняемое намъ зло.

¹⁾ Болотовъ В. В. Лекціи по исторіи древней Церкви, томъ II, стр. 94. *Opera Patrum Apostolicorum*, ed. Funk, стр. 290 сл.

И мы уважаемъ, поклоняемся и боимся Нашего Господа. Которому во всѣ дни приносимъ жертву въ видѣ похвалъ.

Сатурнинъ. И мы религіозны, и наша религія проста. Мы клянемся счастьемъ нашего господина-императора и молимся за его благоденствіе. Вы должны дѣлать то же.

Сператъ. Если ты охотно желаешь спокойно меня выслушать, я тебѣ объясню таинство истинной простоты.

Сатурнинъ. Я не желаю выслушивать несправедливостей, которыя ты намѣренъ направить противъ нашей религіи. Поклонись лучше геніемъ императора.

Сператъ, а за нимъ и другіе мученики отказываются. Ихъ подвергаютъ казни.

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что уже во 2-мъ вѣкѣ культъ императоровъ приобретаетъ весьма важное значеніе въ гоненіяхъ на христіанъ. Хотя до насъ дошло только три указанія на требованіе божественныхъ почестей императорамъ въ первые два вѣка, однако, безъ сомнѣнія, этими случаями дѣло вовсе не ограничивалось. Наоборотъ, этакіе правильные полагать, что и въ другихъ подобныхъ случаяхъ культъ императоровъ сохранялъ значеніе, но акты мучениковъ не оставили о немъ свѣдѣній, какъ объ обыкновенномъ сопутствующемъ обстоятельствомъ, не представляющемъ особаго интереса. Къ сожалѣнію, указанные случаи требованія поклоняться императору относятся только къ провинціямъ, гдѣ культъ цезарей имѣлъ болѣе важный политическій характеръ, чѣмъ въ Римѣ. Поэтому, придавая культу императоровъ серьезную роль въ провинціи, нельзя того же приписать ему въ Римѣ.

Въ *третьемъ* вѣкѣ попытки принудить христіанъ поклоняться императору еще болѣе усиливаются. Во время гоненія Декія епископъ Антіохіи (Писидійской?) Ахацій былъ приведенъ къ правителю: Марціану, который ему сказалъ:

— Ты, какъ человѣкъ, живущій по римскимъ законамъ, долженъ любить нашихъ повелителей.

— Кто же, отвѣчалъ епископъ,—любитъ императора болѣе, чѣмъ христіане? Мы во всѣ дни молимся за него, прося Бога дать ему долгую жизнь, справедливое правленіе, мирное царствованіе; мы далѣе молимся о благоденствіи вонновъ и о сохраненіи міра и имперіи.

— Я одобряю тебя за эти чувства. Но чтобы импера-

торъ болѣе убѣдился въ своемъ повиновеніи, предложи ему вмѣстѣ съ нами жертву.

— Я молю Моего Господа, Великаго и Истиннаго Бога о благоденствіи императора; но этотъ послѣдній не имѣетъ права требовать отъ насъ жертвоприношеній, а мы не имѣемъ права ему предлагать. Кто же можетъ воздавать священныя почести человѣку? ¹⁾

Въ этомъ повѣствованіи мы находимъ одно лишь требованіе признать культъ императора. Отсутствуетъ даже обычное требованіе отречься отъ Христа. Подобный случай имѣлъ мѣсто и въ 254 году. Нѣкій Полемонъ, уговаривая Піонія отречься отъ христіанства въ концѣ концовъ сказалъ: „Принеси, по крайней мѣрѣ, жертву императору“. Піоній отвѣтилъ: „Я не принесу жертвы человѣку“ ²⁾. Въ 262 году въ Кесаріи Палестинской былъ осужденъ центуріонъ Маринъ, какъ христіанинъ, т. е. „какъ отказавшійся воздавать божескія почести императору“ ³⁾.

„Дѣянія мучениковъ“ сохранили много разсказовъ изъ эпохи гоненій на христіанъ, когда культъ цезарей игралъ роковую роль. Было бы долго и утомительно перечислять всѣ случаи отказа христіанъ „воздавать божескія почести человѣку“. Достаточно сказать, что христіанскіе мученики гораздо чаще были приводимы для поклоненія статуѣ императора, чѣмъ какого бы то ни было бога ⁴⁾. Ихъ отказъ давалъ часто поводъ языческимъ писателямъ обвинять христіанъ въ отсутствіи патріотизма и даже антигосударственности. Христіанскіе апологеты оправдываютъ точку зрѣнія христіанъ, противопоставляя свою вѣрность предательству лъстцовъ цезарей ⁵⁾. Понемногу народъ проникается христіанскими идеями и гоненія христіанъ уже не встрѣчаютъ сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія. Прежнее дикое озлобленіе смѣняется сочувствіемъ ⁶⁾, и теперь оставалось лишь признание за христіанствомъ officialнаго права на самостоятельность.

¹⁾ *Ruinard*, Acta martyrum Sincera: Acta disputationis S. Achatii, episcopi et martyris 1, p. 139.

²⁾ *Ruinard*, p. 191.

³⁾ *Euseb.* H. E. VII, 15.

⁴⁾ *Roissier*, G., Religion romaine, T. I, p. 181.

⁵⁾ *Tertull.* ad Scap., 2; Apolog., 35.

⁶⁾ *Болотовъ*, 153—160.

ГЛАВА V.

Константинъ Великій и пережитки культа императоровъ.

Несмотря на жестокую вражду противъ христіанства, язычество незамѣтно для самого себя дѣлало уступки христіанскому ученію, пока не было вовсе побѣждено. Паденіе язычества, помимо очевидной слабости передъ христіанствомъ, вытекало изъ многихъ политическихъ, историческихъ и моральныхъ причинъ. Съ момента признанія христіанства терпимою религіей, послѣднее само по себѣ заняло первенствующее положеніе, и ему не было нужды продолжать прежнюю борьбу съ язычниками. Для окончательнаго подавленія язычества оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ императорскихъ указовъ. Оно перестало быть господствующей и обязательной для всѣхъ религіей, но продолжало существовать въ видѣ многочисленныхъ культурныхъ пережитковъ. Таковыми оказались и нѣкоторыя черты императорскаго культа, преобразованныя и освященныя христіанскимъ ученіемъ.

§ 1. Обстоятельства, подготовившія торжество христіанства.

Борьба Рима съ провинціей, о которой вскользь упомянуто въ введеніи, завершилась побѣдою послѣдней. На императорскомъ тронѣ появляются провинціалы и даже варвары. Все государство дѣлится на рядъ независимыхъ областей, имѣющихъ свои столицы. Имперія принимаетъ космополитическую окраску. Объединяющее начало въ видѣ культа цезарей уже не въ состояніи предотвратить раздѣлъ монархіи, такъ какъ резиденція земного божества—Римъ отходитъ на задній планъ. Личная власть императора римскаго простирается только на небольшую часть всей имперіи. Такимъ образомъ возникаетъ потребность въ новомъ объединяющемъ началѣ, и его ищутъ опять таки въ религіи. Еще начиная со времени республики, многочисленные иноземные культы находятъ себѣ радушный пріемъ въ Римѣ. Съ установленіемъ имперіи Римъ становится какъ бы *templum mundi totius*—„всемирнымъ храмомъ“. Но римляне не могли путемъ контаминаціи образовать единообразную религію, такъ какъ

воспринимаемые культы часто были совершенно различны и даже противоположны друг другу.

Обилие боговъ въ Римѣ привело религіозную эволюцію язычества къ ея естественному концу—синкретизму¹⁾. Онъ былъ подготовленъ всѣми предыдущими вѣками римской исторіи, когда латинскій Юпитеръ отождествлялся съ греческимъ Зевсомъ, Церера съ Деметрой, Меркурій съ Гермесомъ, Юнона съ Герой и т. п. Въ эпоху имперіи такой же процессъ синкретизма наблюдался въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ теперь были привлечены къ почитанію боги Востока и почти всѣхъ варварскихъ странъ. Наконецъ, сами императоры начинаютъ приходить къ мысли о созданіи общей синкретической религіи. Элагабалъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ направленіи. Онъ собралъ въ храмѣ своего сирийскаго бога наиболѣе почитаемыя эмблемы другихъ культовъ: огонь Весты, камень Великой Матери боговъ, палладіумъ, который никто не имѣлъ права видѣть, священные щиты Саліевъ, камни изъ храма Діаны Лаодиційской. Но Элагабалу не удалось сдѣлать своего бога выше римскихъ. Безрезультатной оказалась и дѣятельность Александра Севера, стремившагося объединить всѣ религіи, признавая за ними тождество и считая важнымъ не способъ поклоненія богамъ, а самый фактъ поклоненія.

Приблизительно въ такомъ же духѣ была попытка Аврелиана отождествить всѣхъ мужскихъ боговъ съ Солнцемъ, а женскихъ съ Луню. Эта мысль была проведена путемъ переустройства коллегіи понтификовъ, но, подобно прочимъ, потерпѣла неудачу. Впослѣдствіи возникаетъ мысль о созданіи особой религіи въ каждой отдѣльной области. Эта мысль принадлежала Максимино Дазѣ, но и онъ не могъ создать государственныхъ культовъ.

Если облеченнымъ неограниченной властью римскимъ императорамъ не удалось достигнуть единства культа, то еще менѣе удалась подобная попытка религіозно настроенной части римскаго общества. Язычество жило лишь въ массѣ уже образовавшихся культовъ и не могло создать ничего новаго. Только чисто механическая группировка сходныхъ

¹⁾ О синкретизмѣ римской религіи см. *Ревилль, Ж.* Религія въ Римѣ при Северахъ, пер. съ французскаго подъ ред. В. Н. Линда Москва 1898.

культовъ давала призрачную тѣнь чего-то новаго, но и этого было достаточно, чтобы такіе quasi—новые культы приобрѣтали многочисленныхъ сторонниковъ и представляли для христіанства болѣе серьезныхъ соперниковъ, чѣмъ культы въ своемъ первоначальномъ видѣ. Особеннымъ распространеніемъ пользовались культы Изиды и Митры, заключавшіе въ себѣ даже черты христіанской религіи.

Такимъ образомъ, стремясь къ монизму, исключавшему компромиссы съ иными вѣрованіями, римская религія постепенно готовила оправданіе поведенія христіанъ, не вступавшихъ ни въ какія связи съ языческими культами.

§ 2. Культъ императоровъ послѣ восторжествованія христіанства.

Необходимость однообразнаго культа для государства обуславливала успѣхъ христіанству съ политической точки зрѣнія, а потребность замѣны обветшавшей языческой религіи новой—съ религіозной. Однако, покончить со старымъ могъ только императоръ, которому были бы чужды языческія традиціи Рима, который не затруднился бы даже признать официально за „вѣчнымъ городомъ“ второстепенное значеніе. Именно такимъ и оказался представитель римской провинціи Константинъ Великій. Въ самомъ началѣ своего правленія онъ признаетъ права христіанской религіи, а затѣмъ понемногу подавляетъ язычество. Его дѣятельность могла идти тѣмъ успѣшнѣе, что онъ считался главою всѣхъ языческихъ культовъ и сверхъ того христіанской религіи. Къ концу правленія Константина Великаго о возобновленіи язычества въ качествѣ государственной религіи трудно было и думать.

Самъ Константинъ Великій былъ убѣжденнымъ христіаниномъ. Еще до занятія императорскаго престола онъ имѣлъ возможность близко познакомиться и съ христіанскимъ ученіемъ, и съ христіанской жизнью. По натурѣ простой, обходительный и милостивый, онъ не могъ не завоевать горячихъ симпатій въ христіанскомъ обществѣ. И оно, вдохновенное близкою возможностью вдохнуть, наконецъ, свободно послѣ трехвѣкового безправнаго и забытаго положенія, приложило всѣ усилія, чтобы увидѣть своего едино-

мысленника на престолѣ. Ожиданія исполнились. Христіанскій императоръ побѣдилъ языческаго. Но онъ не началъ такихъ гоненій противъ язычниковъ, какія несомнѣнно имѣли бы мѣсто противъ христіанъ, если бы Константинъ потерпѣлъ неудачу. Онъ предоставилъ дѣла собственному теченію, вполнѣ увѣренный, что христіанство само сумѣетъ выйти побѣдителемъ. И дѣйствительно, язычество явно шло на убыль, и число его сторонниковъ непрерывно уменьшалось.

Но оно продолжало еще жить. Самъ Константинъ былъ pontifex maximus. Таковы были и его преемники. Императоры попрежнему считались выше прочихъ смертныхъ. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ Numen meum, и чиновники давали имъ этотъ же титулъ. Всѣ дѣла, исходящія отъ верховной власти, священны и божественны. Эпитетъ aeternus—вѣчный нераздѣльно связанъ съ именемъ августа. Нѣкоторое время продолжаетъ существовать названіе императорской семьи—domus divina. А изображенія императора продолжаютъ быть предметомъ благоговѣнія.

Преемники Константина—Константъ, Констанцій, Юліанъ и пр. были по смерти обожествляемы язычниками и считались Divi. Въ домашней жизни они пользовались глубокимъ почитаніемъ. Но всѣ эти почести были обычной данью уваженія къ повелителямъ, уваженія, принявшаго по традиціи ту форму, въ которую были ранѣе облечены почести человѣку-богу. Въ нихъ мы, конечно, не найдемъ признанія христіанами божественности императора, потому что старый принципъ „какъ можно поклоняться человѣку?“ остался въ неприкосновенности и по восторжествованіи христіанства надъ язычествомъ.

§ 3. Свѣтская и духовная власть въ римской имперіи.

Соединеніе свѣтской власти съ иреческой, установленное Августомъ, существовало лишь до восторжествованія христіанства надъ язычествомъ. Христіане съ самаго начала проводили мысль, что религія должна быть независимой отъ государства, что надо воздавать Кесарево Кесарю, а Божіе—Богу. Уже по одному этому они чуждались какихъ-либо политическихъ ученій; повинаясь кесарю, они вовсе не дѣлали вывода, что сочувствуютъ существующему порядку.

Христіанство принимало его, какъ нѣчто такое, противъ чего нельзя было возставать. Всякій долженъ былъ повиноваться власти, какъ Божескому установленію, не входя въ обсужденіе ея законности или цѣлесообразности.

При Константинѣ Великомъ неограниченная власть императора и христіанство соединились въ одномъ лицѣ. Принципіальный характеръ обѣихъ силъ не допускалъ никакихъ ограниченій. Каждому была отдѣлена собственная область, не допускавшая вмѣшательства другой стороны. Церковь не могла уступить государству своей задачи, хотя бы послѣднее приняло съ подобающимъ уваженіемъ законъ Христовъ, не могла сдѣлать этого, не отрекаясь отъ собственного самостоятельнаго существованія ¹⁾. Она не допускала, чтобы императоръ сдѣлался ея главой, подобно тому, какъ онъ былъ верховнымъ жрецомъ древней религіи.

И государство также послѣ принятія христіанства его гражданами, не желаетъ уступить своего мѣста церкви и предоставить ей исполнять его дѣло. Единственного можно ожидать отъ христіанскаго государства—что оно лучше исполнитъ свою задачу, благодаря вліянію христіанскихъ началъ, живущихъ въ умахъ и сердцахъ его гражданъ и правительства ²⁾.

Соотношеніе свѣтской власти въ лицѣ императора и духовной въ лицѣ патріарха на Востокѣ имѣло въ основѣ параллелизмъ обѣихъ началъ. Впрочемъ, иногда это соотношеніе теряло равновѣсіе, когда одна изъ сторонъ вмѣшивалась въ дѣла другой. Известно изреченіе Констанція: *ἐπεὶ ἐγὼ βούλομαι, τοῦτο καὶὼν νομίζω*—„что я пожелаю, то пусть и считается правиломъ“. Со своей стороны и патріархи иногда играли политическую роль, поддерживая императоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе предпринимали какія-либо полезныя для церкви мѣропріятія или, наоборотъ, относились къ нимъ съ порицаніемъ, если императоры дѣйствовали противно христіанскому ученію.

Иное соотношеніе власти образовалось на западѣ. Тамъ подъ вліяніемъ историческихъ условій сильно ослабѣлъ авторитетъ свѣтской власти, взамѣнъ чего возросло вліяніе рим-

¹⁾ Златоустъ, Слова на разн. мѣста св. писанія II, 318—324.

²⁾ Евсев. Н. Е. IV, 26.

скихъ епископовъ, которые неоднократно заявляли притязаніе на полноту компетенціи въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Эти домогательства, не оправдываемыя ни историческимъ прошлымъ, ни юридическими основаніями, въ концѣ концовъ выработали идею о полномъ подчиненіи императора Западно-Римской имперіи римскому епископу. Это воззрѣніе нашло себѣ характерное выраженіе въ формулѣ: „подобно тому какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, такъ и императоръ получаетъ власть отъ папы“.

На Востокъ же идея о параллельности духовной и свѣтской власти преемственно изъ Византіи перешла въ Россію, гдѣ съ нѣкоторыми измѣненіями продолжаетъ существовать до настоящаго времени.

2]

Того же автора:

- 1) *Виргилій и его эклоги.* Харьковъ, 1912. Цѣна 15 коп.
- 2) *Л. Н. Загурскій, профес. Императорскаго Харьковскаго Университета. (Некрологъ).* Съ портретомъ Л. Н. Загурскаго. Харьковъ, 1912. Цѣна 15 к.

ПРОДАЮТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“.